

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Выложенный здесь перевод можно назвать переводом разве что условно. Более точно такой способ переработки оригинала можно обозначить как *стилистическая транспозиция* – перевод, сопровождающийся сознательным изменением стилистики подлинника при полном сохранении смыслового инварианта.

Такой стилистический эксперимент был подсказан самим характером переводимого материала. Поэтому необходимо сначала сказать несколько слов о материале.

* * *

Первое драматургическое произведение Оскара Уайльда – трагедию из русской жизни «Вера, или Нигилисты» – можно с полным правом назвать заслуженно забытым. Пьеса была опубликована в 1880 г., а в августе 1883 г. в Нью-Йорке состоялась её премьера (британская театральная цензура её не пропустила). Трагедия, мягко выражаясь, не имела успеха и надолго в репертуаре не задержалась. Если бы не позднейшие шедевры Уайльда, превратившие его в классика английской литературы, и не возникший в силу этого интерес ко всему, что вышло из-под его пера, первый драматургический опыт мастера едва ли удостоился бы даже переиздания.

Причиной неудачи было, конечно, не смехотворное по нелепости изображение русского быта, реалий российской политической жизни и национальной психологии – с этим бы зрители ещё смирились (вспомним, что выражение «развесистая клюква» вошло в русский язык из пародийной пьесы «Любовь русского казака. Сенсационная французская драма с убийством и экспроприацией из жизни настоящих русских фермеров», поставленной 1910 г. в петербургском театре «Кривое Зеркало»: раз была пародия, то был ведь и объект пародии). Напротив, русский колорит способствовал бы скорее успеху пьесы. Интерес к России – недавнему противнику Англии в Крымской войне – был на родине автора незаурядный. Англия открывала для себя произведения Достоевского, Толстого, Тургенева (в «Вере» встречаются прямые цитаты из «Отцов и детей»). Знаменитый поэт и критик Мэтью Арнольд писал в эти годы, что русский роман занял в английской литературе господствующее положение.

Интерес, впрочем, был не только литературный. Как отмечает О.А. Казнина: «В 1880-1890-х гг. оживление интереса англичан к русским было вызвано политическими и

идейными движениями в России, в которых можно было увидеть серьёзную угрозу монархии. Англия стала прибежищем для новой волны русской политической эмиграции, которая вела там бурную публицистическую и просветительскую деятельность». Революционеры С.М. Степняк-Кравчинский, П.А. Кропоткин, Ф.В. Волховский были желанными гостями в доме критика и публициста Эдварда Гарнетта и его жены Констанс Гарнетт, едва ли не самой известной переводчицей русской литературы. Дошло до того, что в 1886 году русская монархистка О.А. Новикова, проживавшая в Англии, писала в «Полл-молл газет», что русские террористы формируют в Англии общественное мнение.

И уж тем более подогрели этот интерес русские события, непосредственно предшествовавшие постановке «Веры» – убийство Александра II (цареубийство – один из сквозных мотивов пьесы).

Собственно говоря, само имя героини, тогда ещё непривычное для английского слуха, вызвало в памяти образы Веры Засулич, Веры Фигнер. Имя «Вера» в сознании английских читателей того времени наверняка воспринималось как синоним слов «революционерка», «бомбистка»

Причина провала, следовательно, состояла в другом. Тем, кто привык воспринимать Уайльда как безудержного парадоксалиста, она может показаться ещё одним (на сей раз ненамеренным) парадоксом. Дело в том, что оригинал, остро слов, виртуоз сценического диалога, каким мы знаем его по позднейшим произведениям, написал ходульную трагедию с трафаретными драматургическими положениями, картонными персонажами и бутафорским надрывчиком а-ля Викторьен Сарду, чьи мелодрамы охотно ставили в это время лондонские театры. Интересно сопоставить «Веру» с пьесой Сарду «Федора» (1882), действие которой тоже происходит в России, или «Тоской» (1887), легшей в основу знаменитой оперы Пуччини. Пожалуй, единственный персонаж «Веры», предвосхищающий героев зрелого Уайльда, – «премьер-министр Российской империи» князь Павел Мараловский, беглый набросок образа сэра Генри Уоттона из «Портрета Дориана Грея». Примечательно, что американские постановщики предлагали сыграть роль князя Павла самому Уайльду.

Скрыть штампованность драматургического конфликта не могли ни экзотический колорит, ни животрепещущие темы. Они лишь усугубляли пародийность происходящего на сцене.

И всё же с нескольких точек зрения пьеса представляет интерес и сегодня. Для историков литературы она любопытна как один из этапов эволюции общественно-политических взглядов автора трактата «Душа человека при социализме».

Культурологи могут почерпнуть в ней материал для исследования на тему «Россия в зеркале британской культуры».

Ну а просто читатели, просто зрители?

Если они знакомятся с пьесой не в подлиннике, им не обойтись без посредника в лице переводчика. И в таком повороте трагедия Уайльда становится захватывающей переводческой задачей. Которая – при успешном решении – поможет обнаружить в трагедии Уайльда не предусмотренные автором стилистические и сценические возможности.

* * *

Для начала предлагаю тем, кто в достаточной мере владеет английским языком, прочесть следующий отрывок.

Little Jack sighed, dipped his pen in the ink, and went on:

“I had a dragging yesterday. My master dragged me into the yard by my hair and beat me with a stirrup because I went to sleep without meaning to while I was rocking the baby. Last week my mistress told me to clean some herrings, and I began cleaning one from the tail, and she took it and poked its head into my face. The foreman laughs at me and sends me for vodka, makes me steal the cucumbers, and then my master beats me with whatever comes handy. And I have nothing to eat. I get bread in the morning, and porridge for dinner, and bread for supper. My master and mistress drink up all the tea and the soup. And they make me sleep in the hall, and when the baby cries I don’t sleep at all because I have to rock the cradle. Dear grandpa, please take me away from here, home to the village. I can’t stand it. I beg you on my knees; I will pray to God for all my life. Take me away from here, or else I shall die...”

Да-да, это из рассказа «Ванька Жуков» в одном из первых английских переводов (опубликован без фамилии переводчика в 1918 г.):

Ванька вздохнул, умокнул перо и продолжал писать:

«А вчерась мне была выволочка. Хозяин выволок меня за волосья на двор и отчесал шпандырем за то, что я качал ихнего ребятенка в люльке и по нечаянности заснул. А на неделе хозяйка велела мне почистить селедку, а я начал с хвоста, а она взяла селедку и ейной мордой начала меня в харю тыкать. Подмастерья надо мной насмеваются, посылают в кабак за водкой и велят красть у хозяев огурцы, а хозяин бьет чем попадя. А еды нету никакой. Утром дают хлеба,

в обед каши и к вечеру тоже хлеба, а чтоб чаю или шей, то хозяева сами трескают. А спать мне велят в сених, а когда ребяенок ихний плачет, я вовсе не сплю, а качаю люльку. Милый дедушка, сделай божецкую милость, возьми меня отсюда домой, на деревню, нету никакой моей возможности... Кланяюсь тебе в ножки и буду вечно бога молить, увези меня отсюда, а то помру...»

У кого-то этот перевод, возможно, вызовет улыбку, у кого-то хохот, у кого-то возмущение. Но, как гласило объявление, которое увидел Уайльд в баре американского города Ледвиль: «Не стреляйте, пожалуйста, в пианиста. Как может, так и играет».

Конечно, в переводе Ванька Жуков выражается более правильным, приглаженным слогом. Но может быть, не в неумении переводчицы дело? Может быть, виноват не пианист, а инструмент? Ведь даже умелая Констанс Гарнетт, скрепя сердце, сглаживала в переводе русских классиков просторечные шероховатости, приводя текст в соответствие с нормой просторечия, допустимой в английской литературе того времени.

Не стану вдаваться в разбор лингвистических причин этого явления: такие причины существуют, но их анализ уведёт нас слишком далеко от пьесы Уайльда. Я привёл отрывок из анонимного перевода лишь для того, чтобы показать, какова была переводческая норма, что представляла собой переводческая традиция конца XIX-начала XX вв. В книге о Гоголе В. Набоков, отзываясь о работе К.Гарнетт, раздражённо замечает, что в её переводах Гоголя «ничего от гоголевского стиля не осталось» и называет слог её переводов «сухим, бесцветным, нестерпимо приглаженным».

Упрёки Набокова не вполне справедливы. Судить о переводе, выполненном век назад, с точки зрения современной нормы перевода, конечно же, нельзя. И не с тем, повторяю, затеян этот исторический экскурс, чтобы «пострелять в пианиста», а для того, чтобы мы могли представить себе, каким рисовался, так сказать, стилистический образ русской речи английским читателям конца XIX века – в том числе и Оскару Уайльду.

В «Вере» этот образ воспроизведён очень обстоятельно. Не забыт даже такой фасонистый руссизм, как *little father* (“our little Father the Czar”): так английские и американские переводчики долгое время передавали русское слово «батюшка». Да разве только переводчики: даже беллетристы, пишущие о России, норовили вернуть его в свои произведения как признак русского речевого колорита.

Итак, Уайльд добивался, чтобы его герои говорили точь-в-точь так, как говорят в России (насколько он мог судить об этом по переводам). Добросовестно воспроизводил беседы

мужичков, попивающих виски в деревенском трактире, пламенные клятвы нигилистов в алых масках, плетущих заговоры в мансарде на Рю Чернявая, злословие вельмож в царском дворце в Москве на Исаакиевской площади, рассуждения профессора Марфы, нежные признания студента-медика Алексея Иванасьевича, грубости полковника (позднее генерала) Котёмкина... «Экзотика, – как говорит герой булгаковского «Багрового острова» Геннадий Панфилович. – Туземцы, знаете ли, такие, что не продохнуть, но в то же время аллегория...»

* * *

Но если пьеса Уайльда – это своего рода Россия в переводе на английский, то перевод этой трагедии на русский будет переводом перевода. И тут возможны два пути. Можно показать Россию такой, какой увидел её автор. Передать не подлинную речь русских мужичков, разночинцев, царедворцев со всеми её особенностями, а отражение этой речи в зеркале английского языка, отчего все эти особенности окажутся сглаженными. Есть и другой путь: можно попытаться разглядеть за уайльдовским «переводом» русский «подлинник». Раз за выражением “our little Father the Czar” угадывается «царь-батюшка», то как перевести вопрос персонажа-крестьянина: “What more does a girl want?” Если идти первым путём (Россия «в переводе» Уайльда), получилось бы что-нибудь вроде незамысловатого: «Что девушке ещё надо?» Если же представить, как бы выразился в предложенных обстоятельствах не театральный пейзажник, а настоящий русский мужик, получится: «Какого ещё рожна девке надобно?»¹

«“Рожна”, “девка”... Разве это Уайльд?» – возразит кто-то. Почему же нет? Уайльд хотел, чтобы герои “Веры” говорили совсем по-русски, и мы всего лишь выполняем авторское намерение. Как знать, возможно, драматург за эти старания сказал бы нам: “Thank you”.

Но это о крестьянской речи. В пьесе, однако, имеется и другой стилистический пласт, воссоздать который будет потруднее: речь нигилистов. Уайльдовские «нигилисты» имеют мало общего даже с тургеневским Базаровым или лесковским Гордановым. Обстановка их собраний больше смахивает на обряды масонских лож, речь исполнена надрывной высокопарности, отдающей бутафорским цехом.

¹ Сравните: “Proposals came for our girl away back in early spring. Our girl won’t be left on the shelf. We can’t grumble to the good God... She can do everything in the field or at home”. Это – «Тихий Дон» в переводе Стивена Гэрри. У Шолохова так: «За нашу наезжали сваты ещё на провесне. Наша не засидится. Девка – нечего Бога гневовать – всем взяла: что на полях, что дома».

Как же должна звучать эта речь по-русски? По-прежнему держать курс на жизнеподобие – об этом говорить не приходится: неподходящий материал для «высокой трагедии» даёт подлинная стилистика русского нигилизма (достаточно почитать статьи Дмитрия Писарева или Варфоломея Зайцева, а то и мемуарную литературу). Спасает то, что Уайльд изображал не нигилистов в точном смысле слова: его герои – условно-театральные заговорщики, карбонарии а-ля рюсс.

Можно, однако, попытаться соблюсти хотя бы национальный колорит – отыскать стилистический аналог речи уайльдовских революционеров в русской литературной традиции. Пожалуй, наиболее близким аналогом окажется русская позднеромантическая драматургия (Н. Полевой, Н. Кукольник с его драмой «Рука Всевышнего Отечество спасла»). Этот аналог удобен ещё и тем, что даёт свободу стилистического маневра: даже лёгкое нажатие вызывает сдвиг то в сторону лубочной литературы, то в направлении сентиментальной мелодрамы. А монолог Веры в конце 3 действия так и напрашивается на стилизацию под народный духовный стих. Это, кстати сказать, и сюжетно оправдано: напоминает крестьянском происхождении героини.

Остаются ещё сцены во дворце, речь сановников. Но этот пласт трудности для перевода не составит. Задача опять-таки лишь в том, чтобы сделать эту речь не по-переводному естественной, а это уж дело техники (переводческой). Между прочим, подойдёт и такой запрещённый (в обычных условиях) приём, как использование в тексте перевода цитат и крылатых слов из русской литературы. Если, к примеру, граф Рувалов замечает князю Мараловскому: “There seems to be nothing in life about which you would not jest”, то, попытавшись угадать за этой фразой русский «оригинал» (продолжаем делать вид, что пьеса Уайльда – это перевод с русского!), мы поймём, что граф просто процитировал Грибоедова: «Шутить и век шутить – как вас на это станет?» А поняв, с чистым сердцем воспроизведём цитату в нашем переводе.

Что ж, стилистические партитуры расписаны в полном соответствии с авторским замыслом. Но их взаимодействие даёт неожиданный результат, на который автор явно не рассчитывал. На фоне реалистически изображённой речи условность стиля «нигилистов» выглядит не то наивом не то циничным наигрышем. Естественность диалога то и дело натывается на неестественность обстановки («развесистая клюква»). «Высокая трагедия» оборачивается трагикомической фантасмагорией, постмодернистским лубком (в постмодернизме вообще есть что-то лубочное). Трагедия Уайльда без сучка без задоринки вписывается в модную театральную эстетику: маскарадные нигилисты с Рю Чернявая ничем

не хуже Отелло в интерьерах «Макдоналдса», Федры в камуфляже или Нины Заречной «на игле».

«Позвольте, – скажут, – это уже не перевод, это режиссура!» Да, перевод драматургии – всегда режиссура (о чём часто не подозревают театральные режиссёры). Художественный перевод неизбежно несёт в себе элемент переводческой интерпретации, которая в той или иной мере определяет сценическое воплощение.

* * *

Данный «перевод» был сделан довольно давно и для печати не предназначался. Переводчиком руководило чистое любопытство: «Что получится, если...». Позднее, в 2001 году в сборнике «Потерянные пьесы» был опубликован перевод «Веры», выполненный А. Михайловой-Раскиной – в высшей степени добросовестный подстрочник, где даже междометие “tut, tut” передано как: «та, та». О других переводах мне ничего неизвестно.

Ещё раз подчеркну, что предложенную версию пьесы Уайльда нельзя считать переводом в полном смысле слова. Не имеет она ничего общего и с так называемыми «смешными переводами» фильмов. «Смешные переводы» – не обыгрывание скрытых возможностей оригинала, а прямое навязывание собственной стилистики переводчика, никак оригиналом не обусловленной. Предлагаемый «перевод» – попытка увидеть за Россией английской Россию подлинную. Авторы «смешных переводов» во всякой Англии видят только себя.

ВЕРА, ИЛИ НИГИЛИСТЫ

Драма в четырёх действиях с прологом

Действующие лица

В прологеПётр Сабуров, *хозяин постоянного двора*Вера Сабурова, *его дочь*Михаил, *крестьянин*

Дмитрий Сабуров

Николай

Полковник Котёмкин

В пьесе

Царь Иван

Князь Павел Мараловский, *первый министр*

Князь Петрович

Граф Рувалов

Маркиз де Пуаврар

Барон Рафф

Генерал Котёмкин

Паж

Гвардейский полковник

НигилистыПётр Чернавич, *председатель*

Михаил

Алексей Иванасьевич, *студент-медик*

Профессор Марфа

Вера Сабурова

Солдаты, заговорщики и пр.

ПРОЛОГ

Постоялый двор в России. В глубине сцены огромная дверь, за которой видна заснеженная местность. На сцене Пётр Сабуров и Михаил.

ПЁТР (*греет руки у печки*): Что, Михайла, Вера не ворочалась?

МИХАИЛ: Нет, дядя Пётр, ещё нет. До почтовой-то конторы почитай три мили, а после коров доить. А мышастая ох егоза – трудно девице в одиночку управиться.

ПЁТР: Что же ты за нею не увязался? Экой ты, брат, ещё недотёпа. Хочешь девке приглянуться – так за ней хвостом и ходи. Девкам лестно, когда им прохода не дают.

МИХАИЛ: Уж она и то жалуется, что от меня проходу нету. Нет, дядя Пётр, насильно мил не будешь.

ПЁТР: Полно, голубчик, это ты-то ей мил не будешь? Наружностью тебя Бог не обидел, а и обидел бы – невелика беда. Должность хорошая: у князя Мараловского в лесниках. И выгон имеешь знатный, и коровка всей деревне на зависть. Какого ещё рожна девке надобно?

МИХАИЛ: А Вера, дядя Пётр...

ПЁТР: Вера, братец ты мой, заумствовала непутём. Мне на эти умствования – тьфу. Я вон не умствовал, а прожил век – дай Бог всякому. Что бы и детям так? Вон Митрий. Сидел бы дома, держал постоялый двор. Времена нынче суровые, другой бы за такой кус зубами схватился. А этому шалопуту в Москву загорелось. – хочет, вишь, на законника выучиться. Чёрта ли ему этот закон! Знай своё место – тебя и не тронет никто.

МИХАИЛ: Всё так, дядя Пётр, А только хорошему-то законнику, слышно, и обходить закон ловчее. Завсегда сухой из воды выйдет. Которые закон знают, те и место своё знают.

ПЁТР: Твоя правда, Михайла. Наловчишься по этой части, так и закон не указ. Вот иные и метят в законники. Кто, примерно сказать, ни на что путное не годен... Уехал, а теперь вот четыре месяца не строчки. Сын называется.

МИХАИЛ: Пустое, дядя Пётр. Чай, затерялись письма-то. Новый письмоносец, поди, неграмотный. Никакого понятия в лице. Митрий – он у нас первый парень. Помнишь, как зимой – вот что морозная выдалась – медведя за амбаром уложил?

ПЁТР: Да, метко ухлопал. Даже отца за пояс заткнул.

МИХАИЛ: А плясун-то, плясун. Два года тому, о Святках, трёх скрипачей в пот вогнал.

ПЁТР: Вестимо, весельчак. Всю весёлость себе забрал, сестре не оставил. Та иной раз как задумается, так три дни ходит не улыбнётся, ровно архимандрит какой.

МИХАИЛ: Мать Софья, обо всех сохнет.

ПЁТР: Очень оно нужно – обо всех сохнуть. На то Господь Бог да царь-батюшка. У соседа крыша прохудится – а я чини? Вон о прошлую зиму старый Михала в санях замёрз, а баба его с детишками с голоду померли. Ну и что? Не я этот свет так устроил. На то Господь Бог да царь-батюшка. Или вон когда хлеб не уродился да мор напал. Народу полегло, что попы отпевать не успевали. Так и лежали мертвяки по всем дорогам. Ну и что? Не я этот свет так устроил. На то Господь Бог да царь-батюшка. Или вон о позапрошлом годе по осени река разлилась, да школу смыло, да детишки все до единого потопили... Так ведь не я этот свет так устроил. На то Господь Бог да царь-батюшка.

МИХАИЛ: Но, дядя Пётр...

ПЁТР: Нет, братец ты мой, коли чужую ношу на себя взваливать, так и жить не захочется. (*Входит Вера в крестьянском платье*). Пришла, голуба? Долго же ты ходила. Где письмо?

ВЕРА: Нынче письма не было, батюшка.

ПЁТР: Вестимо.

ВЕРА: Верно, завтра будет.

ПЁТР: Эх, чтоб его... Отродье неблагодарное!

ВЕРА: Что ты, батюшка, такое говоришь. Может, он захворал.

ПЁТР: Захворал! Мотает он, а не хворает.

ВЕРА: Побойся Бога, родимый. Ты же знаешь, что этого быть не может.

ПЁТР: А денежки-то плакали? Слышь, Михайла, деньги, что у меня от жены оставались, я ведь половину Митрию отвалил: на, мол, твоим законникам за науку. А он как уехал, так только три письма и

прислал. И в каждом: “Ещё пожалуйста”. Сам бы я ни в жисть, она уговорила (*указывает на Веру*). И вот шестой месяц на исходе, а от него ни слуху ни духу.

ВЕРА: Батюшка, он вернётся.

ПЁТР: Ясно, вернётся. Транжиры, как добро спустят, завсегда домой ворочаются. А я ему: “Вот Бог, а вот порог”.

ВЕРА (*садится в задумчивости*): Не приключилось ли с ним беды какой? Да жив ли он? Ах, Миша, сердце не на месте...

МИХАИЛ: Ты что ж, так и будешь всю жизнь любить его одного?

ВЕРА (*улыбается*): Почём знать. Будто на свете все дела переделаны, что только любить осталось.

МИХАИЛ: Это из всех наипервейшее!

Слышится звон металла.

ПЁТР: Вера, что там?

ВЕРА (*поднимается и выглядывает в дверь*): Не пойму, батюшка. Никола, что ли с ярмарки воротился? Нет, на колокольцы коровьи не похоже. Ах, батюшка, солдаты на косогоре! Один конный. Вот красавцы. А с ними какие-то люди в цепях. Никак разбойники? Батюшка, батюшка, не пускай их! Я и глядеть на них не могу!

ПЁТР: В цепях? Ну, голуба, счастье нам привалило. То-то люди говорили, будто через наши края станут каторжников гнать в Сибирь. А я ещё не верил. Заживём теперь! Уж ты, Вера, расстарайся. Жил в бедности, хоть помру в достатке. Теперь постояльцам перевода не будет. В кои-то веки бывает, что честный человек от негодяев разживётся.

ВЕРА: Негодяи? Что же они такое учинили?

ПЁТР: А это, стало думать, и есть нигилисты, от которых поп остерегал. Да что ж ты, девка, столбом стоишь? А ну за работу, за работу.

ВЕРА: Значит, это скверные люди...

Снаружи шум, крик: “Стой!” Входит русский офицер с солдатами и восемь человек в рубище, закованные в цепи. Один из них поспешно поднимает воротник шинели и закрывает лицо. Двое солдат становятся к дверям, остальные садятся. Арестанты остаются стоять.

ПОЛКОВНИК: Хозяин!

ПЁТР: Чего изволите, вашество?

ПОЛКОВНИК (*указывает на нигилистов*): Хлеба и воды этим.

ПЁТР (*в сторону*): Вот и разживись тут.

ПОЛКОВНИК: А мне... Какое у тебя тут лучшее угощение?

ПЁТР: Олешка вяленого не прикажете ли, виски-с.

ПОЛКОВНИК: А ещё?

ПЁТР: Ещё виски можно.

ПОЛКОВНИК: Ох и бестолочь это мужичьё. Есть тут комната получше?

ПЁТР: Имеется, вашество.

ПОЛКОВНИК: Проводи. Фельдфебель, выставить караул у дверей и следить, чтобы эти мерзавцы ни с кем не переговаривались. Не выдумайте, каналы, письма писать. Запорю. (*Петру, который продолжает ему кланяться*) Подавай свою оленину. Чего ты, дурень, под ногами вертишься? (*Замечает Веру*) Кто такая?

ПЁТР: Дочка моя, вашество.

ПОЛКОВНИК: Грамотная?

ПЁТР: Грамоте обучена.

ПОЛКОВНИК: От такой добра не жди. Совсем это ни к чему – лапотников просвещать. Ваше дело хлеб растить, подати платить да хозяину угождать.

ВЕРА: Кто наш хозяин?

ПОЛКОВНИК: Эти тоже забивали себе голову такой гилью. А им теперь пожизненная каторга.

ВЕРА: Значит, их осудили без вины.

ПЁТР: Цыц, нишкни! Она у меня, вашество, дурочка: болтает много.

ПОЛКОВНИК: Женщины все много болтают. Что ж твоя оленина? Граф, я вас жду. Что вы нашли в сиволапой девке с заскоруждыми руками? *(Выходит в другую комнату вместе с Петром и адъютантом)*

ВЕРА *(одному из нигилистов)*: Да ты садись. Устал, поди?

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ: Ступай, нечего тут. С преступниками не положено.

ВЕРА: Я хочу с ними поговорить. Что ты за это возьмёшь?

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ: А чего дашь?

ВЕРА: Разреши им присесть. А я тебе вот что *(Снимает с себя крестьянское ожерелье)*. Это всё, что у меня имеется. От матушки осталось.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ: Справная вещица. Увесистая. А что тебе до этих?

ВЕРА: Они несчастненькие, голодные. Можно к ним подойти?

ОДИН ИЗ СОЛДАТ: Пущай подойдёт, заплатила же.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ: Ладно, будь по-твоему. Но гляди: нагрянет полковник – пойдёшь, краля, с нами по этапу.

ВЕРА *(подходит к нигилистам)*: Присядьте. Устали, поди? *(Подносит им еду)*. Вы кто ж такие будете?

АРЕСТАНТ: Нигилисты.

ВЕРА: Кто это вас в цепи заковал?

АРЕСТАНТ: Царь-батюшка.

ВЕРА: За что?

АРЕСТАНТ: За то, что слишком любим свободу.

ВЕРА *(арестанту, прячущему лицо)*: И что вы такое задумали?

ДМИТРИЙ: Дать свободу тридцати миллионам, пребывающим в рабстве у одного человека.

ВЕРА *(встревоженная звуками голоса)*: Как тебя по имени?

ДМИТРИЙ: У меня нет имени.

ВЕРА: Где твои друзья?

ДМИТРИЙ: У меня нет друзей.

ВЕРА: Открой лицо!

ДМИТРИЙ: Ты в нём найдёшь одни страдания. Меня пытали.

ВЕРА *(заглядывая ему в лицо)*: Господи Иисусе! Митя! Брат!

ДМИТРИЙ: Тише, Вера, тише. Не то отец узнает. Он не перенесёт... Я мечтал освободить Россию. Раз в кафе я услышал речи о свободе. Мне и слово это было незнакомо, я было решил, что это про какую-то новую святую. И я сделался с ними заодно. Вот на что ушли все деньги. Пять месяцев назад нагрянула полиция. Я как раз печатал прокламации... Теперь – пожизненная каторга. Написать я не мог. Мне казалось, пусть лучше дома думают, что я умер, ибо теперь мне судьба быть погребенну заживо.

ВЕРА *(оглянувшись по сторонам)*: Беги, Митя. Я заступлю твоё место.

ДМИТРИЙ: Невозможно. Ты можешь лишь одно: мстить.

ВЕРА: Буду мстить.

ДМИТРИЙ: Слушай. В Москве есть дом...

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ: Арестанты, смирно! Их высокоблагородие идут. Эй, молодка, свидание окончено.

Входят полковник, адъютант и Пётр.

ПЁТР: Что, вашество, угодил я вам олешком? Сам подстрелил.

ПОЛКОВНИК: Недурное было бы блюдо, кабы ты поменьше про него распинался. Фельдфебель, к походу. Держи, мошенник *(Даёт Петру кошелёк)*.

ПЁТР: Ба, теперь я как есть миллионщик! – Дай вам Бог здоровьица, вашество! Вот кабы вы почаще в наши края жаловали!

ПОЛКОВНИК: Нет уж, уволь. Предпочитаю края потеплее. А ты, красавица, остерегайся задавать вопросы о чём не нужно. Я тебя в лицо запомнил.

ВЕРА: А я тебя. По делам твоим.

ПОЛКОВНИК: Разговорилось хамово племя после освобождения. Вашему брату политические премудрости плетью втолковывать. Фельдфебель, выводите.

Полковник поворачивается и идёт вглубь сцены. Арестанты, выстроившись попарно, направляются к двери. Проходя мимо Веры, Дмитрий роняет клочок бумаги. Вера наступает на него.

ПЁТР (*сосчитав деньги в кошельке*): Дай Бог здоровьица. Милости просим с новыми арестантиками. (*Вдруг замечает Дмитрия, который уже стоит в дверях, и с криком бросается к нему*) Господи Иисусе! Митя! Митя! За что тебя? Невиноватый он, видит Бог, невиноватый! Я заплачу. Забери свои деньги. (*Бросает деньги на пол*). Всё берите, только сына отдайте! Ироды окаянные! Куда вы его?

ПОЛКОВНИК: В Сибирь, дед.

ПЁТР: Не надо в Сибирь! Лучше меня вместо него.

ПОЛКОВНИК: Он нигилист.

ПЁТР: Врёшь, врёшь! Невиноватый он!

Солдаты отталкивают его ружьями и закрывают за собой дверь. Пётр колотит в дверь кулаками.

ПЁТР: Митя! Митенька! Нигилист... нигилист... (*Падает на пол*).

Вера, на протяжении это сцены стоявшая неподвижно, поднимает записку и читает.

ВЕРА: “Москва, дом 99, что на Рю Чернявая. Подавить, что ни есть во мне естеству причастного. Не жалеть и не быть жалеему, не желать и не быть желанну, не любить и не быть любиму до самого смертного часа”. Брат, что обещала, исполню. (*Целует записку*). Ты будешь отомщён!

Вера замирает, воздев руку с зажатой в ней запиской. Пётр лежит на полу. Только что вошедший Михаил склоняется над ним.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Москва, дом 99 по Рю Чернявая. Просторная мансарда, освещённая свисающими с потолка масляными лампами. Несколько человек поодаль друг от друга. За столом некто в алой маске. Он пишет. В глубине сцены дверь, возле неё – человек в жёлтом с обнажённой шпагой. Стук в дверь. Входят люди в плащах и масках.

П а р о л ь: Per crucem ad lucem.

О т в е т: Per sanguinem ad libertatem.

Бьют часы. Заговорщики выстраиваются полукругом посреди сцены.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Назови заветное слово.

ПЕРВЫЙ ЗАГОВОРЩИК: Набат.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ответ?

ВТОРОЙ ЗАГОВОРЩИК: Калит.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Который час?

ТРЕТИЙ ЗАГОВОРЩИК: Час страданий.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какой нынче день?

ЧЕТВЁРТЫЙ ЗАГОВОРЩИК: День гнёта.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какой это год?

ПЯТЫЙ ЗАГОВОРЩИК: Год надежды.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Много ли нас?

ШЕСТОЙ ЗАГОВОРЩИК: Девять, да десять да трое.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: За Галилеянином шло меньше, но мир покорили. Наша цель?

СЕДЬМОЙ ЗАГОВОРЩИК: Освобождение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Наша вера?

ВОСЬМОЙ ЗАГОВОРЩИК: Уничтожение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Наш долг?

ДЕВЯТЫЙ ЗАГОВОРЩИК: Подчинение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Братья, ответы даны надлежащим образом. Все здесь присутствующие –нигилисты, и чужих среди нас нет. Откроем же лица.

ЗАГОВОРЩИКИ (*снимают маски*): Читай присягу, Михаил!

МИХАИЛ: “Подавить, что ни есть во мне естеству причастного. Не жалеть и не быть жалеему, не желать и не быть желанну, не любить и не быть любиму до самого смертного часа. Разить кинжалом, изводить ядом. Восстановить отца против сына, мужа против жены. Без страха, без надежды, без будущего. Страдать, уничтожать, мстить”.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Все ли согласны?

ЗАГОВОРЩИКИ: Согласны все. (*Разбредаются по сцене*)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Назначенный час прошёл, а её всё нет.

МИХАИЛ: Я места себе не нахожу. Без неё мы как без рук.

АЛЕКСЕЙ: Уж не схватили ли её? Мне известно, что полиция рыщет за нею по пятам.

МИХАИЛ: Тебе всегда известно, чем занята московская полиция. Откуда бы такая осведомлённость у честного заговорщика?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Если ищейки её настигли, на каждой улице воздвигнутся баррикады и взовьётся красное знамя. Что за безрассудство – отправиться на статс-бал у великого князя! Как я ни отговаривал, она твердила, что хочет своими глазами увидеть царя и его отродий.

АЛЕКСЕЙ: На статс-бал!

МИХАИЛ: Я за неё не боюсь. Она неуловимей волчицы и вдвое волчицы опасней. Притом нынче её не узнают: у великого князя маскарад. Что слышно из дворца, господин председатель? Чем ещё тешит себя кровавый деспот, кроме мучительства своего сына? Что он, кстати, за человек, этот царёныш? Кто-нибудь из вас его наблюдал? Станные слухи ходят о нём: говорят, будто он любит народ. Но откуда у царского сына возьмётся любовь к народу? Не так их воспитывают.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вот уж год, как вернулся он из-за границы, и весь этот год отец, словно узника, держит его во дворце.

МИХАИЛ: Верный способ взрастить тирана себе на смену. Но что же дворцовые вести?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Завтра в четыре во дворце тайное совещание. Что они там замышляют, наш комитет развеять не сумел.

МИХАИЛ: Совещание во дворце – это, верно, готовится какое-нибудь кровавое злодеяние. В каком зале они заседают?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*заглядывает в письмо*): В жёлтом, гобеленном. В Екатерининском – вот как.

МИХАИЛ: Что мне эти пышные именованья. Я хочу знать, где он расположен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Чего не знаю, того не знаю. Я всё больше жывал не по дворцовым покоем, а по тюремным камерам.

МИХАИЛ (*внезапно обращаясь к Алексею*): Где этот зал?

АЛЕКСЕЙ: В нижнем этаже, окнами во двор. Почему, однако ж, ты спрашиваешь меня?

МИХАИЛ: Да так, мой любезный. Я любопытен до всего, что касается домашней жизни царя и его местонахождения. Кого и расспрашивать о дворце, как не тебя. Не может такого быть, чтобы бедный студент-медик не знал, что где находится в царском дворце. Обязан знать, *n'est ce pas*?

АЛЕКСЕЙ (*в сторону*): Уж не подозревает ли он меня? Какой он сегодня странный. Но что же она не идёт? Когда её нет, от пламени революции остаются одни головешки.

МИХАИЛ: Много ли больных вылечил ты за последние дни?

АЛЕКСЕЙ: У меня на руках больная, чей смертельный недуг не даёт мне покоя, но исцелить её мне не под силу.

МИХАИЛ: Вот как! И кто это?

АЛЕКСЕЙ: Матушка Русь.

МИХАИЛ: Матушку Русь поставит на ноги только хирург. Без ножа тут не обойтись. А твой курс лечения мне не нравится.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Профессор, мы прочли гранки вашей последней статьи. Сильно написано.

МИХАИЛ: О чём статья?

ПРОФЕССОР: Тема моей статьи, многоуважаемый брат, убийство как метод политической реформы.

МИХАИЛ: Пером революции не делаются. От одного кинжала проку больше, чем от сотни премудрых рацей. Впрочем, ознакомимся. Дайте-ка мне этот опус. Я прочитаю для всех.

ПРОФЕССОР: Вы, знаете, как-то без выражения. Пусть лучше Алексей Иванасьевич.

МИХАИЛ: Уж это точно, выражение у него самое великосветское. Я-то всякому выражению предпочитаю смысл.

АЛЕКСЕЙ (*читает*): “Прошлое принадлежало тирану, и он осквернил его своими деяниями. Будущее за нами, и деяниями нашими освятится”. Именно, именно! Пусть будущее освятится нашими деяниями! Пусть хоть одна революция не будет замешана на крови!

МИХАИЛ: С нами говорят мечом, а мы не смей мечом отвечать? Таким чистоплюям не место в наших рядах! Нам нужны люди с грубыми руками, обагрёнными кровью, а не кисейные барышни.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Полно, Михаил, полно. Алексей среди нас храбрец беспримерный.

МИХАИЛ (*в сторону*): А вот поглядим, как он нынче распорядится своею храбростью.

За сценой звенит бубенцами тройка.

ГОЛОС (*за дверью*): Per crucem ad lucem.

СТРАЖ У ДВЕРЕЙ: Per sanguinem ad libertatem.

МИХАИЛ: Кто пришёл?

Входит Вера. Она сбрасывает плащ и оказывается в бальном платье.

ВЕРА: Спаси, Господи, люди Твоя.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Наконец-то, Вера. Мы истомились в ожидании. Но ты появилась, и звезда свободы засияла в ночи и пробудила нас ото сна.

ВЕРА: Ночь, брат мой, воистину ночь. Ночь кромешная, беспросветная. В самую душу уязвлена матушка Русь. Некто Иван, царём от людей нарицаемый, занёс над нею кинжалище, какой ни один ещё прежде тиран на народ не отковывал.

МИХАИЛ: Что он выдумал на этот раз?

ВЕРА: Завтра по всей Руси объявлено будет военное положение.

ВСЕ: Военное положение! Мы погибли! Погибли!

АЛЕКСЕЙ: Военное положение! Быть не может!

МИХАИЛ: Глупец! Всё может быть на Руси, кроме реформ.

ВЕРА: Да, военное положение. Последнее право, которым народ дорожил, у него отнимается. Без суда, без защиты, даже без обвинения наших братьев станут хватать и стрелять как собак, бросать в казематы, гноить в рудниках. Знаете ли, что есть военное положение? Удавка на шее народной. Улицы, где днём и ночью солдаты, солдаты, часовые у каждой двери. Никто не посмеет податься в чужие края, разве только изменники и соглядатаи. А мы, забившись по щелям, собираясь украдкой, ропща втихомолку – что доброго можем мы сделать теперь для России?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Самое большее – пострадать.

ВЕРА: Настрадались, довольно. Пришло время уничтожать и мстить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Однако доселе народ всё терпеливо сносил.

ВЕРА: Сносил, оттого что не понимал. Но мы, нигилисты, дали же ему вкусить от древа познания. Кончилась для России пора безмолвного долготерпения.

МИХАИЛ: Военное положение! Ах, Вера, какую ужасную новость ты нам принесла!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это смертный приговор российским свободам.

ВЕРА: Или побудка к революции.

МИХАИЛ: Но верно ли это известие?

ВЕРА: Вот манифест. Я похитила его у одного простофили, секретаря князя Павла. Ему поручили переписать. И это отчего я нынче так задержалась.

Вера передаёт манифест Михаилу.

МИХАИЛ (*читает*): “В видах общественной безопасности... военное положение... волею Государя, отца народа”. Отец народа!

ВЕРА: Отец, не угодно ли. Отец, да не святится имя его, да будет царствие его упразднено республикою, да не простятся его прегрешения, ибо он отнял у нас хлеб наш насущный, да не пребудет с ним ни сила, ни право, ни слава ни ныне, ни присно, ни во веки веков!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Совещание собирается завтра, кажется, около этого часа. Значит, манифест ещё не подписан.

АЛЕКСЕЙ: И не будет подписан, покуда я в силах ещё умолять.

МИХАИЛ: А я убивать.

ВЕРА: Военное положение! Боже Правый, с какою лёгкостью любой из монархов обрекает на смерть тысячи, тогда как сами мы не в силах расправиться и с единым коронованным властителем Европы! Рука дрожит, кинжал не слушается, револьверный выстрел оказывается тщетным – что за цепенящее величие заключают в себе эти особы? Или не люди они и не те же бушуют в них страсти? Или не тем же подвержены они недугам? Или плоть их и кровь отлична от нашей? Отчего дрогнули мятежники, когда решалась судьба Рима? Отчего мужество изменило Гвидо в ту минуту, когда ему должно было показать железную решимость? Будь они прокляты, малодушные эти ничтожества в своих Неаполях, Берлинах, Испаниях! Когда б это мне привелось оказаться лицом к лицу с каким-нибудь венценосцем – о, я бы не промахнулась, взгляд мой остался бы твёрд, тело налилось бы силой, не плотью рождённой! Только подумайте, что стоит препоной к освобождению Европы: несколько старцев, сморщенных, дряхлых, выживших из ума человечешек – таких и мальчишка удавит за гривенник, с такими и женщина справится. И они нам препятствие к свободе! Сдаётся мне, нету больше мужчин на свете, оскудела земля, обесплодела. Когда бы не так, ни один венчанный пёс не осквернял бы мир Божий своим дыханием.

ВСЕ: Испытай нас! Испытай! Испытай!

МИХАИЛ: Настанет и твой, о Вера, час испытаний.

ВЕРА: Дай-то Бог. Разве не подавила я что ни есть во мне естеству причастного? Разве нарушу я наш обет?

МИХАИЛ (*Председателю*): Военное положение! До заседания остаётся двенадцать часов. За дело, господин председатель. Промедление смерти подобно. Двенадцать часов.... Ну да и в меньший срок слетали с престолов династии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Или головы с плеч.

Михаил и Председатель садятся в углу сцены и шёпотом совещаются. Вера читает про себя манифест. Наблюдавший за ней Алексей вдруг порывисто подходит к ней.

АЛЕКСЕЙ: Вера!

ВЕРА: Алёша! Ты здесь! Глупый мальчик, я же умоляла тебя, не приходи. Мы обречённые, нам всем суждено погибнуть, страданиями искупить добро, которое мы принесём. Но ты, такой молодой, такой ясноглазый – рано тебе умирать.

АЛЕКСЕЙ: За родину умереть никому не рано.

ВЕРА: Ну что ты приходишь сюда каждый вечер?

АЛЕКСЕЙ: Потому что люблю народ.

ВЕРА: Что как товарищи тебя хватятся? Да нет ли ещё среди них доносчиков? Сам знаешь, сколько шпиков развелось в университете. Уходи, Алёша, ступай. Ты же видишь, мы здесь все от страданий народ отчаянный. У тебя душа другая. Не надо тебе ходить сюда.

АЛЕКСЕЙ: Вон как ты обо мне плохо думаешь. Да как же мне жить, если братья мои страдают!

ВЕРА: Ты мне как-то рассказывал про свою мамушку. Говорил, что любишь её. Об матери подумай!

АЛЕКСЕЙ: Нету у меня матери, кроме России, велит – так и жизнь за неё отдам. Но нынче мне надо было повидаться с тобой. Ты, говорят, завтра едешь в Новгород.

ВЕРА: Так надо. Что-то наши там пали духом. А я хочу раздуть пожар революции, чтоб от его пламени ослепли монархи Европы. И если объявят военное положение, где мне и быть, как не в

Новгороде. Нет, как видно, предела самовластью одного человека, но терпение народное не беспредельно. Сколько наших сложили головы на эшафоте, на баррикадах – пусть же их палачи станут теперь жертвами.

АЛЕКСЕЙ: Видит Бог, я одних с вами мыслей. Но нельзя тебе в Новгород. Тебя ищет полиция, обыскивают каждый поезд, и есть приказ без суда заточить тебя в самый глухой каземат во дворце. Как я узнал, не важно – сведения верные. Можешь вообразить, что будет, если тебя не станет? Мы без тебя как без солнца. Народ лишится вождя, свобода – жрицы своей. Не ездь в Новгород, Вера.

ВЕРА: Ты прав, не поеду. Поживу ещё немного на благо свободы, на благо России.

АЛЕКСЕЙ: Да-да, ведь если погибнешь – какой это будет удар для России. С тобою погибнут все мои надежды, вся моя.. Какую, однако, страшную весть ты принесла! Военное положение. Ужасно. Я не знал. Честью клянусь, не знал.

ВЕРА: Тебе-то откуда было узнать? Всё так ловко обделано. Славный белый царь с чёрной душою и руками, обагрёнными кровью народа – искуснейший заговорщик, куда нам до него. Как уживаются на Руси два таких сердца – его и твоё – не пойму.

АЛЕКСЕЙ: Нет, Вера, государь не всегда был таким. Было время – он тоже любил народ. Всё этот змей, князь Павел Мараловский, пропади он пропадом. Клянусь тебе, завтра я сам явлюсь перед государем ходатаем за народ.

ВЕРА: Ходатаем перед царём! Глупый мальчик, это только приговорённых к смерти допускают до царя. И потом, с чего вдруг он станет слушать ходатая? Даже вопль истерзанной родины не умягчает каменного его сердца.

АЛЕКСЕЙ (*в сторону*): А я всё же буду просить. Меня не тронут.

ПРОФЕССОР: Тут у меня прокламации, Вера Петровна. Подойдут?

ВЕРА: Сейчас посмотрю. – Как он хорош. Нынче в нём какое-то особенное благородство. Любит свободу... Счастье, когда такой тебя любит.

АЛЕКСЕЙ (*Председателю*): О чём беседа?

МИХАИЛ: О лучшем способе медвежьей охоты. (*Отводит Председателя в сторону, шепчутся*)

ПРОФЕССОР: А вот письма братьев из Парижа и Берлина. Что им ответить?

ВЕРА (*машинально берёт письма*): Если б я не подавила в себе что ни есть естеству причастного, если бы не обет не любить и не быть любимой, я верно смогла бы его полюбить... Да что это я, обезумела, что ли? Ах я изменница! Зачем только он появился у нас, такой ясноглазый, чистый, свободолюбивый! Зачем вселяет мне в душу желание увидеть его своим королём! И какая я после этого республиканка! Обезумела я, обезумела, клятвопреступница я... Довольно! Опомнись, Вера: ты нигилистка, ты нигилистка.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*Михаилу*): Да ведь схватят тебя.

МИХАИЛ: Навряд ли. Я буду в кавалергардском мундире, дежурный адъютант из наших. Притом, не забудь: зал в нижнем этаже. Грех не попытать счастья.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Братьям не говорить?

МИХАИЛ: Ни слова, ни звука. Среди нас затесался предатель.

ВЕРА: Ах, да, прокламации. Недурно, недурно. Пятсот отошлите в Киев, Одессу и Новгород, ещё пятсот – в Варшаву, тысячу распространите в южных губерниях. Хотя тёмному русскому мужичку и дела нету до наших прокламаций и наших жертв. Удар нанесётся не из деревни, но из города.

МИХАИЛ: И не гусиным пером, но мечом.

ВЕРА: Где письма из Польши?

ПРОФЕССОР: Вот.

ВЕРА: Несчастная Польша! Исклевали сердце твоё российские орлы. Нам нельзя забывать польских братьев.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Верно ли?

МИХАИЛ: Жизнью ручаюсь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Коли так – дверь на запор. – Алексей Иванасьевич вступил в наши ряды, назвавшись московским студентом медицины. Отчего ты, Алексей, давно не сказал нам об этом кровавом злодействе, о военном положении?

АЛЕКСЕЙ: Я?

МИХАИЛ: Да, ты. Кто-кто, а уж ты знал без сомнения. Такие пушки в один день не отливаются. Почему ты нас не предупредил? Узнай мы неделю назад, успели бы хоть одну бомбу метнуть, навалить

хоть одну баррикаду, нанести хоть один удар во имя свободы. А теперь время ушло. Слишком поздно, слишком поздно. И я спрашиваю тебя: почему ты молчал?

АЛЕКСЕЙ: Именем свободы клянусь, это оговор. Михаил, брат мой, ты заблуждаешься! Я ничего не знал об этом бесчеловечном законе! Вот вам крест, братья, не знал! Откуда мне было узнать?

МИХАИЛ: Оттуда, что ты предатель. Куда ты отправился после нашего давешнего собрания?

АЛЕКСЕЙ: Домой.

МИХАИЛ: Ложь. Я тебя проследил. Ты вышел отсюда в час пополуночи, запахнувшись в широкий плащ. В миле от второго моста ты нанял лодку, переправился через реку и дал перевозчику золотой империял. Ай да нищий студент! То ты ходил кругами, то затаился в проулке – я уж было примерялся ударить тебя ножом, да разобрал меня азарт поохотиться. Ты, небось, уже мнил, что ушёл от преследования? Простота! Я, брат, выгляц поимистый, со следу не сбить. Так хвостом за тобою и шёл. И видал, как ты шмыгнул через Исаакиевскую площадь, шепнул страже пароль и, отперевши своим ключом потайную дверь, прошёл во дворец.

ЗАГОВОРЩИКИ: Во дворец!

ВЕРА: Алексей!

МИХАИЛ: Я стал ждать. Всю-то долгую русскую ночь мёрз я возле дворца, чтобы убить тебя, покуда ещё не простыли в руке твоей иудины сребреники. Но ты всё не шёл. В жёлтом тумане встал над угрюмым городом кровавый рассвет, и занялся на Руси новый день гнёта, но ты так и не вышел. Стало быть, во дворце ночуем? Знаем пароли, ключики носим от потайных дверей? Ты, Алексей Иванасьич, шпион. Никогда я тебе не доверял, белоручка кудрявый, паркетный шаркун. Ничего в тебе нет от народа, никакого следа страданий. Ты шпион, шпион. Ты доносчик.

ВСЕ: Смерть ему! Смерть! *(Выхватывают ножи)*

ВЕРА *(бросается к Алексею и заслоняет его собой)*: Отойди, Михаил! Все, все отойдите! Только посмейте поднять на него руку! Алексей душой благородней любого из нас!

ВСЕ: Смерть ему! Смерть предателю!

ВЕРА: Троньте его хоть пальцем, и я уйду от вас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Разве ты, Вера, не слышала, что рассказал Михаил? Он ночевал в царском дворце. Пароль, ключ – кто он, как не предатель?

ВЕРА: Вздор. Не верю я Михаилу. Это всё ложь, ложь! Алёша, скажи им!

АЛЕКСЕЙ: Это правда. Михаил рассказал, что видел. Я в самом деле ночевал в царском дворце. Михаил рассказал вам правду.

ВЕРА: Назад, говорю вам, назад! Алёша, мне всё равно. Я тебе верю, ты не предашь, ты не продашь свой народ. Ты честный, чистый. Ну скажи, что ты не шпион.

АЛЕКСЕЙ: Шпион? Конечно, нет – ты же знаешь. Братья, одна только смерть разлучит меня с вами!

МИХАИЛ: Только одна – твоя.

АЛЕКСЕЙ: Вера, ты знаешь: я не лгу.

ВЕРА: Знаю, знаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Зачем ты пришёл к нам, изменник?

АЛЕКСЕЙ: Потому что люблю народ.

МИХАИЛ: Так стало думать, и смерть за него примешь?

ВЕРА: Убейте сперва меня!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Михаил, без Веры мы никуда. Оставим мальчишку в живых, раз у неё такая причуда. Ведь не предал же он нас до сих пор. Нынче мы его не выпустим.

За дверью топот солдатских сапог. Стук в дверь.

ГОЛОС ЗА ДВЕРЬЮ: Именем его императорского величества, отворите!

МИХАИЛ: Предал-таки. Твоих рук дело, доносчик.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Утихомирься, Михаил. Нам сейчас свои головы спасать, а не до чужой глотки добираться.

ГОЛОС ЗА ДВЕРЬЮ: Именем его императорского величества, отворите!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Братья, наденьте маски. Михаил, отпри дверь. Это последняя наша надежда.

Входит генерал Котёмкин с солдатами.

ГЕНЕРАЛ: После двенадцати всем благонамеренным обывателям сидеть по домам и в компании больше пяти не собираться. Вы что же, любезные, указа не читали?

МИХАИЛ: Не прочитаешь его, когда им все стены в Москве увешаны.

ВЕРА: Полно, Михаил. – Мы, сударь, не знали. Сами-то мы из Самары, гастролирующая труппа. Будем давать представление перед его императорским величеством.

ГЕНЕРАЛ: А что за крики я слышал за дверью?

ВЕРА: А это мы новую трагедию репетировали.

ГЕНЕРАЛ: Бойко отвечаешь. Наводит на мысли. Сейчас разберём, какие вы такие актёры. Извольте снять ваши маски. Если у тебя, душенька, личико не уступит фигуре, то ты препикантная бабёночка. А ну покажись, голубушка. Мне всего любопытней взглянуть на тебя.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Боже мой, если он увидит Веру, мы пропали.

ГЕНЕРАЛ: Ну-ну, не ломайся, мой ангельчик. Снимай, говорю тебе, маску, а то прикажу – так солдаты снимут.

АЛЕКСЕЙ: Генерал Котёмкин, назад!

ГЕНЕРАЛ: Что ты себе позволяешь? Кто таков? *(Алексей срывает маску)* Ваше императорское высочество! Цесаревич!

ВСЕ: Цесаревич! Всё кончено!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Так я и знал, что шпион. Выдаст.

МИХАИЛ *(Вере)*: А ты меня удерживала. Ладно, умрём, но не сдадимся.

ВЕРА: Успокойся. Он нас не выдаст.

АЛЕКСЕЙ: Это так, генерал, маленькая шалость. Вы же знаете, отец держит меня в четырёх стенах. Скука смертная, вот иной раз и пускаешься, переодевшись, поискать романтических приключений. Нынче вот свёл знакомство с этими достойными господами.

ГЕНЕРАЛ: И они правда актёры, ваше высочество?

АЛЕКСЕЙ: А как же. Да так высоко об себе понимают – меньше чем перед монархами играть не согласны.

ГЕНЕРАЛ: Я-то, правду сказать, уже надеялся, что накрыл шайку нигилистов.

АЛЕКСЕЙ: Нигилисты в Москве? Где вы, генерал, обер-полицмейстером? Мыслимо ли такое?

ГЕНЕРАЛ: Я его императорскому величеству так и докладывал. Но сегодня в совете рассказывали, будто в Москве мелькнула их предводительша Вера Сабурова. Государь побледнел как полотно. В жизни не видел такого испуга.

АЛЕКСЕЙ: Опасная, значит, она, эта Вера Сабурова?

ГЕНЕРАЛ: Опаснее нету во всей Европе.

АЛЕКСЕЙ: А сами вы её видели?

ГЕНЕРАЛ: Лет пять назад довелось. Я, ваше высочество, был тогда просто полковник, а она – ничего особенного, прислуга на постоялом дворе. Если б я знал, кто из неё выйдет, она б у меня под плетью подохла. Это не женщина, это сатана. Полтора года я за нею гоняюсь. В прошлом году под Одессой едва не настиг.

АЛЕКСЕЙ: Что же помешало?

ГЕНЕРАЛ: Я был один и совсем её нагонял, но она подстрелила мою пристяжную. Ничего, в другой раз не уйдёт. Государь назначил за её голову двадцать тысяч рублей.

АЛЕКСЕЙ: Будем надеяться, они достанутся вам, генерал. Однако вы совсем сконфузили этих достойных людей. Трагедия не получается. Доброй ночи.

ГЕНЕРАЛ: Мне бы, ваше высочество, всё же на них взглянуть.

АЛЕКСЕЙ: И речи быть не может. Робкий народ, цыгане. Не выносят, когда на них глазеют.

ГЕНЕРАЛ: А всё же, ваше высочество...

АЛЕКСЕЙ *(надменно)*: Генерал, они мои друзья, этого довольно. Доброй ночи. И вот что: о моём приключении молчок.

ГЕНЕРАЛ: Вы разве теперь не во дворец? Бал скоро кончится, вас ожидают.

АЛЕКСЕЙ: Я ещё задержусь. Во дворец ворочусь один. Помните же: никому ни слова.

ГЕНЕРАЛ: Про вашу цыганочку, то бишь? Невредная девочка. Ух, какие глазки. Жаль, мордашку не видно. Ну что же, ваше высочество, доброй ночи.

АЛЕКСЕЙ: Доброй ночи, генерал.

Генерал и солдаты уходят.

ВЕРА (*сбрасывает маску*): Спасены! И кем! Тобою!

АЛЕКСЕЙ (*сжимает её руку*): Братья, верите вы мне теперь?

Уходит.

Немая сцена.

ЗАНАВЕС

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Зал совещаний в царском дворце, по стенам желтые гобелены. Стол, кресло председателя, предназначенное для царя, сзади – выходящий на улицу балкон. По ходу действия за окном смеркается.

На сцене князь Павел Мараловский, князь Петрович, граф Рувалов, барон Рафф, граф Петушков.

КНЯЗЬ ПЕТРОВИЧ: Итак, опала с нашего взбалмошного цесаревича снята и он будет опять заседать с нами в совете.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Снята ли. Сдаётся мне, что совет – ещё одна кара. Такая мука эти заседания.

КНЯЗЬ ПЕТРОВИЧ: Для вас натурально мука. Вы на них говорите без умолку.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Отчего же. Бывает, и слушаю. Это самое и есть мука. Молчать так утомительно.

ГРАФ РУВАЛОВ: Ну, для цесаревича всё лучше, чем обитать, как в тюрьме, вдали от мира.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Мечтательному юноше, ваше сиятельство, мир только издали и хорош. А тюрьма, где арестант распоряжается, что подать на обед, право, недурная тюрьма. (*Входит цесаревич. Придворные встают*). А, ваше высочество. Желаю здравствовать. Что-то вы нынче бледны.

ЦЕСАРЕВИЧ (*помолчав, медленно*): Здесь я задыхаюсь. Надо переменить обстановку.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ (*улыбается*): Крамольные речи. Ваш августейший батюшка, даже если стул передвинуть, отнесёт это к реформаторским поползновениям.

ЦЕСАРЕВИЧ (*с горечью*): Мой августейший батюшка полгода держал меня узником в этом дворце. Нынче утром меня разбудили, и по его приказу мне пришлось присутствовать при казни каких-то несчастных нигилистов. Ужасное зрелище. И величественное: с каким достоинством они умирали!

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: В мои лета вы поймёте: жить недостойно и умереть с достоинством – дело нехитрое.

ЦЕСАРЕВИЧ: Нехитрое? Недостойная жизнь – в ней вы, понятно, знаток, но достойная смерть – тут у вас едва ли богатый опыт.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ (*пожимает плечами*): Опыт, как говорится, сын ошибок, а ошибок я не совершаю.

ЦЕСАРЕВИЧ (*желчно*): Предпочитаете совершать преступления.

КНЯЗЬ ПЕТРОВИЧ (*цесаревичу*): Его величество вчера очень тревожился: бал в разгаре, а вас всё нет и нет.

ГРАФ РУВАЛОВ (*со смехом*): Думал, должно быть, что вас нигилисты украли.

БАРОН РАФФ : Ну, тогда вы пропустили бы дивный котильон.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: И отменный ужин, прибавьте. Каков салат! Грегуар превзошёл все ожидания. Вот вы смеётесь, барон, а умело заправлять салаты много труднее, чем заправлять казначейством. Для приготовления салата требуются недюжинные дипломатические таланты. Задача в обоих случаях одна: успеть в том, чтобы и масла и уксусу было в пропорцию.

БАРОН РАФФ: Повар и дипломат – удачное сближение. Будь у меня сын-оболтус, я бы отдал его либо в повара либо в дипломаты.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Ваш папá, как я погляжу, рассуждал иначе. Поверьте, барон, напрасно вы так принижаете поварское искусство. Кулинария – основание культуры. Что до меня, я бы желал остаться в памяти людской как изобретатель нового соуса. Жаль, недосуг, а то, чувствую, это прямое моё призвание. Да-с, прямое призвание.

ЦЕСАРЕВИЧ: Досадно, что не послушались вы своего призвания, князь Павел. Чем орден Белого Орла с бантом, вам бы больше пристал орден Индейки С Каштанами. Только с фартуком поварским беда: он бы вечно у вас был замаран. Руки нечистые.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ (*кланяется*): Иначе и быть не может. Я верой и правдой служу вашему батюшке.

ЦЕСАРЕВИЧ: Верой и кривдой, хотите вы сказать. Вы его злой гений. До вас в душе его ещё оставалась толика любви. Это вы ожесточили его сердце, отравили ядом ваших коварных советов, сделали ненавистным народом, обратили в тирана.

Придворные многозначительно переглядываются.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ (*невозмутимо*): А вам, ваше высочество, и правда не терпится переменить обстановку. Ничего, я и сам в был семье старшим сыном (*Закуривает сигарку*). Я знаю, каково дожидаться, когда наконец папá сделает такую любезность и уберётся на тот свет.

Цесаревич подходит к окну и, высунувшись, смотрит на улицу.

КНЯЗЬ ПЕТРОВИЧ (*барону Раффу*): Хорош мальчик! Если он станет и дальше язык распускать, мигом угодит в места не столь отдалённые или чего похуже.

БАРОН РАФФ: Вот-вот. Ну что это – душа нараспашку. Глупо.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Единственная глупость, которая за вами, барон, не водится.

БАРОН РАФФ: Так ведь я не о двух головах.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Ну, на вашу-то голову, *mon cher*, никто не позарится (*Достаёт табакерку и протягивает князю Петровичу*).

КНЯЗЬ ПЕТРОВИЧ: *Merci, mon prince.*

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Каков ароматец! Прямо из Парижа. Хотя при республике всё французское как-то опошлело, обвульгарилось. Уходили Бонапарта – не стало котлет á l'imperiale, скинули Орлеанов – прощай омлеты. Нету больше la belle France: впала в ничтожество по причине дурных нравов и ещё более дурной гастрономии. (*Входит маркиз де Пуаврар*). А, маркиз. Как здоровье супруги вашей?

МАРКИЗ ДЕ ПУАВРАР: Об этом, князь, лучше спросить у вас. Вы её видите больше, чем я.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Я, должно быть, вижу в ней больше, чем вы. Я вижу в ней прелестную женщину, такую тонкую, такую остроумную. А какая насмешница! И как останемся с нею вдвоём, она всё про вас да про вас

КНЯЗЬ ПЕТРОВИЧ (*смотрит на часы*): Пора бы его величеству прибыть.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Что с вами, *mon cher* Петрович? Вы нынче на себя не похожи. Уж не побранились ли вы, Боже упаси, со своим поваром? То-то будет конфуз: все приятели от вас разбегутся.

КНЯЗЬ ПЕТРОВИЧ: Покуда у меня деньги водятся, я об этакое счастье и думать не смею. А касательно повара вы ошибаетесь: мы с ним прекрасно ладим.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Тогда, может быть, вас расстроили письма от кредиторов или от мадемуазель Веры Сабуровой? Мне обыкновенно как принесут почту, половина от них. Когда так, не тревожьтесь. Я дома то и дело натываюсь на грозные прокламации этого, как они изволят его называть, “исполнительного комитета”. Но читать их – слуга покорный: никакого правописания.

КНЯЗЬ ПЕТРОВИЧ: И снова не угадали. Нигилисты отчего-то за мною не охотятся.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ (*в сторону*): Чего удивляться. Бездарность всегда карают равнодушием.

КНЯЗЬ ПЕТРОВИЧ: Я потерял всякий вкус к жизни, князь. С тех пор как закончился оперный сезон, не знаю куда деваться от сплина.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: *Maladie du siècle!* Давайте придумаем вам лекарство от скуки. А, вот что. Женаты вы уже были дважды. Что если теперь вам разок влюбиться?

БАРОН РАФФ: Однако ж и натура у вас... Не понимаю.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Хорош бы я вышел, если б моя натура кроилась по вашему пониманию, а не по моему вкусу.

ГРАФ РУВАЛОВ: “Шутить и век шутить – как вас на это станет?”

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Ах, граф, жизнь вещь такая нешуточная, что избави Бог говорить об ней серьёзно.

ЦЕСАРЕВИЧ (*отходит от окна*): А для меня натура князя Павла не загадка. Он и лучшего друга зарежет ради удовольствия написать эпиграмму на его надгробии.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Parbleu! Я лучше потеряю лучшего друга, чем злейшего недруга. Чтобы обзавестись друзьями, достаточно быть всего-навсего добряком. Но человек, у которого не осталось ни одного врага – этот считай посредственность.

ЦЕСАРЕВИЧ (*язвительно*): Ну, если враги – мера величия, вы у нас исполин.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Я, ваше высочество, сам знаю, что в России я человек самый для всех ненавистный. Разумеется, после вашего батюшки. Ему это как будто бы досадно, а я доволен. Вот ей-богу доволен. (*Злобно*) Едешь иной раз по городу, простонародье на улицах волком глядит, а ты ловишь эти шершавые взгляды и понимаешь: “Э, да я в России власть. Один против миллионов”. Да и не желаю я быть народным любимцем. Сперва увенчают лаврами, а через год, глядишь, побьют камнями. Предпочитаю почить безмятежно в своей постели.

ЦЕСАРЕВИЧ: А что после смерти?

КНЯЗЬ ПАВЕЛ (*пожимая плечами*): Царствие небесное – то же самодержавие. Для меня дом родной.

ЦЕСАРЕВИЧ: А народ, его права? До них вам дела нету?

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Народ, права – фу, какая тоска. Вот они где у меня сидят. Ни с кем нынче так не носятся, как с грубым, пошлым, непросвещённым сбродом. И прав-то ему подавай столько, сколько отцы его во сне не видали, даром что люди были добропорядочные. Нет, ваше высочество, настоящая демократия – это когда каждый аристократ. А эти, которым вздумалось вырвать у нас власть – они же малым лучше диких зверей в лесу у меня в имении: хоть сейчас начинай отстреливать.

ЦЕСАРЕВИЧ (*возбуждённо*): Грубые, непросвещённые, пошлые, почти как лесные звери – а кто виноват?

Входит флигель-адъютант.

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТ: Его императорское величество!

Князь Павел поглядывает на цесаревича и улыбается.

Входит царь, сопровождаемый охраной.

ЦЕСАРЕВИЧ (*порывисто бросается к нему навстречу*): Государь!

ЦАРЬ (*нервно, испуганно*): Не приближайся! Ближе не подходи, говорю! С наследником престола отец держи ухо востро. А там кто такой? Посторонний? Чего ему тут? Заговорщик? Обыскали? Сутки даю: не сознается – вздёрнуть. Вздёрнуть!

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Не будемте забегать вперёд, государь. Это граф Петушков, наш новый посол в Берлине. Явился по случаю назначения поцеловать руку вашего величества.

ЦАРЬ: Руку поцеловать? Здесь умысел. Хотят меня отравить. Вот мой сын, ему целуй. Так тоже можно.

Князь Павел делает графу Петушкову знак удалиться. Петушков и охрана уходят. Царь без сил опускается в кресло. Придворные молчат.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ (*приближается к царю*): Государь. Ваше величество.

ЦАРЬ: Тьфу, напугал. Ты чего так подкрадываешься? Нет, нет и нет! (*С беспокойством поглядывает на придворных*) Ты что там, сударь мой, шпагой гремишь? (*Графу Рувалову*) Шпагу долой. В моём присутствии – никаких шпаг. (*Смотрит на цесаревича*) А у сына моего особенно. (*Князю Павлу*) Ты

на меня зла не держишь, князь? Не бросишь в беде? Обещай, что не бросишь. Проси что хочешь. Чего душа пожелает.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ (*низко кланяясь*): Государь, мне довольно и вашего расположения. (*В сторону*) Я уж боялся, он вздумает мне насолить – ещё один орден прицепит.

ЦАРЬ (*снова садится в кресло*): Ну что у вас, господа?

МАРКИЗ ДЕ ПУАВРАР: Я имею честь представить вашему величеству всеподданнейшее обращение граждан Архангельской губернии, в коем изъясняются их чувства при известии о последнем покушении на жизнь вашего величества.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Скажите лучше “предпредпоследнем”. Видите, от какого числа? Три недели тому.

ЦАРЬ: Славный народец в этой Архангельской губернии. Бесхитростный, преданный. Любит своего государя, ох, любит. Распорядитесь, чтобы какого-нибудь из тамошних старцев причислили к лику святых. Им приятно, и казне без убытка. Ну, Алексей, сколько злоумышленников вздёрнули нынче утром?

ЦЕСАРЕВИЧ: Троих, государь.

ЦАРЬ: Мало. Вот кабы три тысячи. Была бы у всего народа одна-единственная шея. Чтобы всех разом одною петлёй... Что они говорили? Кого назвали? В чём сознались?

ЦЕСАРЕВИЧ: Ни в чём, государь.

ЦАРЬ: А пытка на что? Почему не пытали? Долго ещё мне сражаться с теньями? Долго я буду гадать, от какой причины эти крамолы?

ЦЕСАРЕВИЧ: Народный гнев из-за тиранства и притеснений – вот в чём причина.

ЦАРЬ: Как ты сказал? Тиранство? Тиранство? Это я-то тиран? Я не тиран! Я люблю народ! Я народу отец! В каждом манифесте так значится: отец. Ты, друг любезный, говори да не заговаривайся. Не научился ещё держать язычок на привязи? (*Подходит к князю Павлу и кладёт ему руку на плечо*) А скажи мне, князь, много народу собралось посмотреть, как казнят нигилистов?

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Зрелище казни уже не так привлекает своей новизной, как три-четыре года назад – вы же знаете, как быстро приедаются людям даже самые затейливые увеселения. Но на площади и на крышах народу набилось порядком. Не так ли, ваше высочество? (*Цесаревич не отвечает*)

ЦАРЬ: Дело. Всем благонамеренным гражданам присутствовать надлежит. Пусть знают, чего ожидать. Арестовали кого-нибудь?

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Да, государь. Какая-то баба проклинала ваше величество. (*Цесаревич вздрагивает*) Мать двоих злоумышленников.

ЦАРЬ (*глядя на цесаревича*): Неблагодарная. Я её от детей избавил. В тюрьму её.

ЦЕСАРЕВИЧ: Все тюрьмы в России переполнены, государь. Новым жертвам уже нету места.

ЦАРЬ: Так стало, мрут медленно. Сгоняйте побольше в одну камеру. В рудниках подольше держите. А то ишь миндальничают. Впрочем, что-то я нынче и сам разминдальничался. Вы эту бабу в Сибирь. Глядишь и помрёт по дороге. (*Входит флигель-адъютант*) Что там? Что там?

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТ: Деша вашему императорскому величеству.

ЦАРЬ (*князю Павлу*): Не стану вскрывать. Вдруг там в пакете что-то лежит.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Вышло бы очень досадно, если бы под видом депеши вам прислали пустой пакет. (*Вынимает письмо и читает*)

КНЯЗЬ ПЕТРОВИЧ (*графу Рувалову*): Скверные, видно, новости. Мне эта улыбка ох как знакома.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Донесение от архангельского полицмейстера, государь. “Сегодня утром при въезде во двор своего дома губернатор был застрелен неизвестной. Преступница арестована”.

ЦАРЬ: То-то мне эта Архангельская губерния казалась неблагонадёжною. Нигилист на нигилисте, смутяня на смутяне. Всех архангельских святых немедля от лика святых отчислить! Не заслужили.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Позвольте заметить, ваше величество, ещё один святой был бы им более тяжким наказанием. Однако – три губернатора за два месяца! (*Стараясь скрыть усмешку*). Государь, осмелюсь предложить на место архангельского губернатора вашего преданнейшего слугу маркиза де Пуаврара.

МАРКИЗ ДЕ ПУАВРАР (*поспешно*): Я, государь, к этой должности не годен.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Полно, не скромничайте. Я прямо сплю и вижу вас архангельским губернатором. (*Шепчет что-то царю*)

ЦАРЬ: Верно. Ты, князь, по обыкновению прав. Сейчас же приготовить указ о назначении маркиза.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: И подорожную. Пусть нынче же к вечеру поезжает. Жаль расставаться, маркиз. Я всегда одобрял ваш вкус в рассуждении вин и жён.

МАРКИЗ ДЕ ПУАВРАР: Нынче же и отъехать, ваше величество? (*Князь Павел шепчет что-то царю*)

ЦАРЬ: Да, чего откладывать. Поезжай засветло.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: А об госпоже маркизе не беспокойтесь: я позабочусь, чтобы без вас она не скучала.

ГРАФ РУВАЛОВ (*князю Петровичу*): За маркизу ещё беспокоиться! Он за жизнь свою должен трястись.

ЦАРЬ: Застрелен неизвестной в своём дворе... А мой двор разве надёжнее? Нигде мне не будет покоя, куда эта ведьма революции Вера Сабурова здесь, в Москве. Он ведь в Москве ещё, князь?

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Мне донесли, что вчера она была на бале у великого князя. Верится с трудом. Ожидалось, что нынче она отбудет в Новгород. Полиция осмотрела каждый поезд, но она по какой-то причине раздумала ехать. Должно быть, свои лазутчики предупредили. И всё равно я её разыщу. Увлекательное это занятие – гоняться за хорошенькой барышней.

ЦАРЬ: Всю Москву переверни, а сыщи. Ох, что я с ней сделаю! На клочки растерзаю. Вздёрну на дыбу, и пусть это белое тело корчится в муках, точно бумага на угольях.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Государь, мы незамедлительно начинаем розыск. Вот его высочество нам поможет.

ЦЕСАРЕВИЧ: Чтобы погубить женщину, вам обыкновенно помощь не требуется.

ЦАРЬ: Вера-нигилистка в Москве! Господи Боже, а может взять да и погибнуть собачьей смертью, какую они мне предназначили, чем этак-то мучиться? Ведь ночи не спишь, а уснёшь – такие страхи привидятся, в аду было б легче. Доверяешь только тобой же подкупленным, подкупаешь тех, кому нельзя доверять. В каждой улыбке видишь измену, в каждой руке кинжал, в каждом ястве отраву. Лежишь бессонною ночью и слушаешь, не подкрадывается ли убийца, не подкладывается ли бомба. Изменники! Все, все изменники. Все вы. И первый изменник – мой сын. Кто из вас подсовывает мне под подушку прокламации, будь они прокляты? Кто оставляет их у меня на столе? Который тут Иуда-предатель?.. Таким ли я был прежде! Помню, как воевали мы с англичанами, я в те поры ничего не боялся. (*Мечтательно*) Я тогда слыл храбрецом. Раз было дело, бросился в самое пекло и отбил у окаянных джон-буллей российский штандарт. Георгиевский крест от отца получил за отвагу. Что-то сказал бы он нынче, когда бы увидел, как у меня поджилки трясутся. (*Обессилено опускается в кресло*) Детство моё прошло без любви, без ласки. В юные годы меня держали в строгости – как же ещё, если не в строгости, держать мне страну? (*Вскакивает*) Но я отплачу, отплачу! За каждый бессонный час ожидания смерти они у меня будут годами зябнуть в Сибири, столетиями гнить в рудниках! Они у меня узнают!

ЦЕСАРЕВИЧ: Отец! Смилуйся над своим народом! Дай людям, чего они жаждут!

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: И первым даром, государь, пусть будет ваша голова: она им особенно приглянулась.

ЦАРЬ: Народ, народ! Позволил я этому зверю, народу, отбиться от рук себе на беду. Ну уж теперь битва пойдёт не на жизнь, а на смерть. Больше никаких полумер! Прихлопну всех нигилистов и нигилисток одним ударом. Чтобы какая-то баба забрала надо мною власть? Царь я или не царь? Видит Бог, не пройдёт и недели, Вера Сабурова будет у меня в руках. Понадобится ради этого спалить Москву – спалю Москву. Запороть мерзавку! В крепости удавить! Вздёрнуть на площади!

ЦЕСАРЕВИЧ: Боже мой!

ЦАРЬ: Уже два года она держит меня за глотку, два года нету мне жизни от этой бесовки. Но я отплачу. Объявляю военное положение! Вот им расплата. Славное придумал я средство, а, князь?

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: И притом же казне прямая выгода: в полгода сживём с рук излишек народонаселения и сократим одну статью расхода – суды. Теперь в них нужды не будет.

ЦАРЬ: А и правда. Много в России народу развелось. Лишние люди – расходы, суды – расходы. Я их все разгоню.

ЦЕСАРЕВИЧ: Государь, подумайте прежде...

ЦАРЬ: Когда будет отпечатан манифест?

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Уж полгода печатаем, государь. Я знал, что он пригодится.

ЦАРЬ: Дело. Вот это дело. Немедля подпишу. Ай да князюшка! Когда бы у каждого государя в Европе был такой министр...

ЦЕСАРЕВИЧ: ...То в Европе было бы меньше государей.

ЦАРЬ (*князю Павлу, испуганным шёпотом*): На что он намекает? Ты в нём уверен? Не образумился, стало быть, в заточении? Может, его в ссылку? Может, его... (*шепчет*) Как император Павел Петрович, не тем будь помянут. Как императрица Екатерина (*указывает на портрет на стене*) Чем я хуже?

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Пустое, государь. Их высочество просто большой затейник. Изображает влечение к народу, а сам живёт во дворце. Проповедует социализм, а содержание имеет такое, что целой губернии под стать. В своё время поймёт, что лучшее средство от республиканских бредней – императорская корона. И раздерёт фригийский колпак на орденские ленты для первых министров.

ЦАРЬ: Что правда, то правда. Откуда в нём будет любовь к народу, когда он мой сын?

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Воображаю, что запоёт этот демократ, если попробует неделю-другую столоваться в крестьянской избе. Приступим, государь?

ЦАРЬ: Без промедления. Читай манифест. Садитесь, господа. Алексей! Алексей, я тебе говорю! Садись-ка со всеми. Слушай да учись: придёт время – сам станешь такое проделывать.

ЦЕСАРЕВИЧ: Да я уж порядком наслушался. (*Садится к столу. Граф Рувалов шепчет что-то ему на ухо*).

ЦАРЬ: По какому случаю шёпот, граф?

ГРАФ РУВАЛОВ: Я, государь, только дал его высочеству добрый совет.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Граф Рувалов транжира нешуточный: вечно раздаёт направо-налево то, что ему самому пришлось бы кстати. (*Кладёт перед царём бумаги*) Ваше величество, смею думать, одобрит. “Любя народ свой”... “отец народа”... “военное положение”... Ну и в последней строке – как всегда – “волею Провидения”. Остаётся только поставить подпись.

ЦЕСАРЕВИЧ: Государь...

КНЯЗЬ ПАВЕЛ (*поспешно*): Благоволите подписать, и я даю слово в полгода истребить всех нигилистов в России. Всех до единого.

ЦАРЬ: Как это ты хорошо сказал! Истребить всех нигилистов в России. Истребить эту их вожачиху, объявившую мне войну в моей столице. Князь Павел Мараловский, назначаю вас маршалом Всея Руси и поручаю вам поддержание порядка по введении военного положения. Дай сюда манифест, я подпишу.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ (*указывая место для подписи*): Вот тут, ваше величество.

ЦЕСАРЕВИЧ (*бросается к отцу и закрывает манифест руками*): Постойте! Остановитесь! Попы отняли у народа небо, а вы и землю хотите отнять!

КНЯЗЬ ПАВЕЛ (*торопливо*): Нам некогда, ваше высочество. – Как бы мальчишка всё не испортил. – Вот перо, государь.

ЦЕСАРЕВИЧ: Как! Одним росчерком пера удушить страну, погубить царство, уничтожить империю! А вправе ли мы воздвигать гонения на народ? Или меньше на нас тяготеет грехов, чем на нём, что мы дерзаем чинить суд и расправу?

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Их высочество коммунист из коммунистов: дескать, не только собственность должна разделяться поровну, но и грехи.

ЦЕСАРЕВИЧ: Одно согревает нас солнце, одним мы воздухом дышим, одна у нас плоть и кровь – в чём же различие меж нами и ими? Разве в том, что они голодают, а мы пируем, они труждаются, а мы предаёмся праздности, они страдают, а мы заедаем их жизнь, они погибают, а мы...

ЦАРЬ: Ты что себе позволяешь?

ЦЕСАРЕВИЧ: Всё я себе позволяю во имя народа! А ты позволяешь себе посягнуть на первейшие права человека!

ЦАРЬ: Никаких таких прав у народа нету.

ЦЕСАРЕВИЧ: Нету прав, так в избытке бесправия. Отец, ведь это они выигрывали тебе сражения. От сосновых лесов балтийских до пальмовых рощ индийских пронеслись они на могучих крылах славы. И я, хоть и мал ещё был, но запомнил, как, одна за одной, набегали людские волны на поле брани и, одна за одной, разбивались насмерть. Когда кровавый полумесяц грозил поругаться над российским орлом, это они, не щадя своих жизней, добыли в битвах победу.

ЦАРЬ (*почти растроганно*): Ну, об мёртвых чего толковать. Мне от них ничего не нужно.

ЦЕСАРЕВИЧ: Ничего! Мёртвым не страшно, тебе их уже не достать. Спят вечным сном герои, кто в пучинах турецкий морей, кто на ветристых склонах норвежских и датских гор. Но живые, но братья

наши – как поступаешь ты с ними? Они просили хлеба – ты дал им камень. Они взыскали свободы – ты наказуешь их бичами и скорпионами. Сам ты посеял семена революции.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Сами и урожай уберём. Так уберём, что будьте покойны.

ЦЕСАРЕВИЧ: Братья мои! Лучше бы вам пасть под свинцовым дождём, под свист картечной метели, чем воротиться на эту муку. Волки лесные имеют логова, и звери степные – норы, а русский народ, покоритель мира, не имеет, где приклонить голову.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Отчего же? На плаху.

ЦЕСАРЕВИЧ: Вот-вот, на плаху! Вы по своему произволу губили их души, а теперь посягаете и на тела!

ЦАРЬ: Мальчишка! Забыл, кто у нас царь на Руси?

ЦЕСАРЕВИЧ: Милостью Божией народ теперь царь. Тебе надлежало быть его пастырем, но ты бежал как наемник и оставил овец на расхищение волкам.

ЦАРЬ: Взять его! Взять!

ЦЕСАРЕВИЧ: Господь Бог дал человеку язык, чтобы он говорил, ты же задумал вырвать его, чтобы жертвы немогствовали. Но и руки дал человеку Господь – руки чтобы разить врага. И руки будут разить. Скоро уже горемычная, многострадальная наша родина разрешится от бремени. Вижу, вижу, как из мук родовых дитя окровавленное встаёт! Это дитя – революция, и не жди от него пощады!

ЦАРЬ (*вскакивает*): Молчать! Фармазон! Бунтовщик! Ишь, как заговорил! Да кто ты такой?

ЦЕСАРЕВИЧ: Я нигилист! (*Министры вскакивают с мест. Молчание*)

ЦАРЬ: Нигилист... Нигилист... Выкормил я змею, выпестовал изменника. В заговоры удалился? Маршал всея Руси, князь Павел Мараловский, приказываю вам: арестуйте цесаревича.

МИНИСТРЫ: Арестуйте его!

ЦАРЬ: Нигилист! Что же, с ними сеял, с ними и пожнёшь. С ними стакнулся, с ними и сгниёшь. С ними жил, с ними и умрёшь.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Умрёшь?

ЦАРЬ: Чума задави всех сыновей! А ещё в законном браке родился, змеёныш. К чёрту тогда все законные браки. Никаких больше браков в России! Кому сказано, арестовать цесаревича!

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Ваше высочество, именем его императорского величества, отдайте шпагу. (*Цесаревич отдаёт шпагу. Князь Павел кладёт её на стол*)

ЦЕСАРЕВИЧ: Кровью не запятнана.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Мальчишка вы, ваше высочество. С вашим языком только заговоры затевать. Нашли где геройствовать – во дворце.

ЦАРЬ (*опускается в кресло и, не отрываясь, смотрит на цесаревича*): И это мой сын. Моя плоть и кровь. Нет, уже не моя.

ЦЕСАРЕВИЧ: В нашем грозном братстве тысячи таких, как я. А лучших, чем я, десятки тысяч. (*Царь вздрагивает*) Звезда свободы взошла. Слышно уже вдалеке, как набегает на эти злосчастные берега сокрушительный вал демократии.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ (*князю Петровичу*): Эге, mon ami, надо нам с вами учиться плавать.

ЦЕСАРЕВИЧ: Отец, государь, ваше величество! Не за себя молю – за братьев моих, за народ! Не губи их жизни!

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Если бы народ, ваши братья удовлетворились своими жизнями, – так нет: им и чужие ещё подавай.

ЦАРЬ (*встаёт*): Довольно. Устал я бояться. К чёрту страхи. Отныне у меня с народом война. До полного уничтожения. Стану поступать с ним, как он поступает со мной. В порошок сотру и по ветру пушу. Теперь будет так: в каждом доме – шпион, в каждом семействе – доносчик, в каждой деревне – палач, на каждой площади – виселица. Будет мой гнев смертоносней чумы, лихоманки, проказы. Каждый уезд превратится в погост, каждая губерния – в лазарет, и лекарство там будет одно: меч. И настанет на Руси тишь да гладь – как на кладбище. А вы думали, что я трус? Думали, испугался? Вот как я их теперь растопчу! (*Сбрасывает со стола шпагу цесаревича и топчет*).

ЦЕСАРЕВИЧ: Гляди, отец, как бы шпага ненароком тебя не поранила. Велико долготерпенье народное, но грядёт расплата. Подкрадывается неслышно, руки в крови...

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Эка важность – подкрадывается. Всё равно ваш народ стрелять не умеет. Сколько раз стреляли – всё мимо.

ЦЕСАРЕВИЧ: Бывают времена, когда народ становится орудием воли Господней.

ЦАРЬ: А ещё бывают времена, что монарх становится бичом Божиим. Взять его. Увести. Стражу сюда. *(Входят лейб-гвардейцы. Царь указывает на цесаревича, одиноко стоящего в стороне.)* Мы его сами сведём в тюрьму... В тюрьму? Э, нет. Знаю я эти тюрьмы. Сбежит и станет покушаться на жизнь мою. Лучше расстрел. Да-да, выстроить на площади солдат, и пусть расстреляют. Уберите его. Видеть его не могу. *(Стража собирается увести цесаревича)* Стойте, стойте. Не доверяю гвардейцам. Они тоже нигилисты. *(Князю Павлу)* Я тебе доверяю. Тебя не разжалобишь. *(Распахивает балконную дверь и выходит на балкон).*

ЦЕСАРЕВИЧ: Умереть за народ? Я готов. Нигилистом ли больше в России, нигилистом ли меньше – что за беда.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ *(смотрит на часы)*: Ужин испорчен. Сколько неприятностей причиняет политика и старшие сыновья.

ГОЛОС *(с улицы)*: Спаси, Господи, люди Твоя!

Выстрел. Раненный царь, шатаясь, возвращается в комнату и падает.

ЦЕСАРЕВИЧ *(отталкивает стражу и бросается к нему)*: Отец!

ЦАРЬ: Убийца... убийца... Ты, ты убийца! *(умирает).*

Немая сцена.

ЗАНАВЕС

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

Декорация 1 действия. У дверей человек в жёлтом с обнажённой шпагой.

П а р о л ь *(за дверями)*: Væ tygannis.

О т в е т: Væ victis *(трижды).*

Входят заговорщики в плащах и масках. Выстриваются полукругом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Который час?

ПЕРВЫЙ ЗАГОВОРЩИК: Час сражения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какой нынче день?

ВТОРОЙ ЗАГОВОРЩИК: День Марата.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какой это месяц?

ТРЕТИЙ ЗАГОВОРЩИК: Месяц свободы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Наш долг?

ЧЕТВЁРТЫЙ ЗАГОВОРЩИК: Подчинение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Наша вера?

ПЯТЫЙ ЗАГОВОРЩИК: Parbleu, господин председатель, вот не знал что у вас есть вера – если не считать мадемуазель Сабурову.

ЗАГОВОРЩИКИ: Шпион! Соглядатай! Маску долой! Долой маску!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Двери на запор! Среди нас чужой!

ЗАГОВОРЩИКИ: Маску долой! Смерть ему! Смерть! *(Пятый заговорщик снимает маску)* Князь Павел!

ВЕРА: Изверг естества! Кто заманил тебя в наше львиное логово?

ЗАГОВОРЩИКИ: Убить его! Смерть ему!

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: En vérité, messieurs, вы не так чтобы очень гостеприимны.

ВЕРА: И ты думал найти тут другое гостеприимство, кроме как нож или петлю?

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Ну и ну. В нигилисты, как я погляжу, попасть не так-то и просто – сюда принимают лишь самых избранных. Но как бы я стал первым министром в России, если бы не вращался и в высшем свете и в самых законопреступных тайных обществах.

ВЕРА: Тигр не может переменить природу свою и змея лишит себя яда, а ты вдруг сделался народолюбом?

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Mon Dieu, non, Mademoiselle! Я бы с большей охотой злословил сейчас в гостиную, чем замышлял комплоты в подвале. А народ я терпеть не могу: от него разит махоркой и луком, он встаёт ни свет ни заря и довольствуется на обед одним блюдом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но цель? Что приобретёшь ты, сделавшись революционером?

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Мне нечего терять, mon ami. Этот взбалмошный щенок, новый наш царь, отправляет меня в ссылку.

ВЕРА: В Сибирь?

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Зачем же? В Париж. Он распорядился конфисковать мои поместья, лишил меня чина, звания, повара. Одни ордена оставил. Я решительно жажду мести.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Тогда ты наш. Это желание мстить собирает нас здесь каждый день.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Вам верно, нужда в деньгах. Люди со средствами в заговоры не лезут. S'il vous plaît. *(Бросает на стол деньги)* У вас много лазутчиков – это значит, у вас недостаточно сведений. Я же осведомлен обо всех злодеяниях правительства как никто другой, потому что почти все их задумал я.

ВЕРА *(председателю)*: Не слушай его. Как можно, чтобы наш заклятый враг остался живой и невредимый?

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Уверю вас, мадемуазель, вы заблуждаетесь. Я ценнейшее приобретение для вашего общества. А что до меня, господа, если бы я не имел в вас нужды, то не распорядился бы подать обед часом раньше обычного, чтобы поскорее подвергнуть себя опасности в вашем собрании.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: И то правда. Когда бы он вздумал за нами шпионить, то верно сам бы сюда не пришёл.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ *(в сторону)*: Конечно. А послал бы лучшего друга.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Притом от него мы можем узнать обо всём, что нам нужно для нашего дела.

ВЕРА: Поступайте, как знаете.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Братья, согласны ли вы принять в наши ряды князя Павла Мараловского по принесении им присяги?

ЗАГОВОРЩИКИ: Согласны! Согласны!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(протягивает князю Павлу кинжал и листок бумаги)*: Князь Павел: присяга или кинжал?

КНЯЗЬ ПАВЕЛ *(с язвительной усмешкой)*: Предпочту уничтожать, чем быть уничтожену.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: И помни: изменишь – покуда есть на земле сталь и отравы, покуда мужчины способны разить, а женщины злоумышлять, не уйти тебе от расплаты Нигилисты не забывают друзей и не прощают врагов.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: В самом деле? Это же надо, какое цивилизованное общество!

ВЕРА *(расхаживая по сцене)*: Почему его нет? Он не примет корону. Я его знаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подпиши. *(Князь Павел подписывает присягу)* Ты сказал, что у нас нет веры. Неправда. Вот наш символ веры. Прочти.

ВЕРА *(председателю)*: Не кончится это добром. На что он нам?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Употребим его на пользу делу. Прок от него будет – и нынче и завтра.

ВЕРА: Да завтра для всех ли из нас наступит? А мы дали ему слово, он теперь защищён крепче, чем во дворце.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ *(читает)*: “Права человека”. Было время – всякий сам себе права добывал, а нынче каждый младенец приходит на свет с таким аппетитом на права, что того гляди подавится. “Природа не храм, а мастерская. Мы требуем права на труд”. Ну, этим правом я именно готов поступиться.

ВЕРА *(ходит по сцене)*: Неужели он не придёт? Неужели не придёт?

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: “Семья как институт, препятствующий устройству общества на истинно социалистических общинных началах, подлежит упразднению”. Вот-вот, господин председатель, с пунктом пятым я согласен совершенно. Семья сил нет какая обуза, особенно если ты не женат. *(В дверь трижды стучат)*.

ВЕРА: Алексей! Наконец-то!

П а р о л ь: Væ tyrannis.

О т в е т: Væ victis. (*Входит Михаил Строганов*)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Михаил! Цареубийца ты наш! Братья, воздадим по заслугам истребителю самодержца!

ВЕРА (*в сторону*): Он придёт ещё.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ты, Михаил, освободитель России.

МИХАИЛ: Да, была минута, когда Россия вздохнула свободно, но солнце свободы закатилось скоро, точно осенним днём, подарив нам лишь проблеск надежды.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: И вновь над Русью повисла кромешная ночь самовластья.

МИХАИЛ (*сжимая нож*): Один удар – и всё будет кончено.

ВЕРА (*в сторону*): Один удар? Про что это он? – Но отчего, отчего он всё не идёт? Алексей, Алексей, отчего ты не с нами?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*Михаилу*): Как же тебе удалось скрыться? Говорили, будто ты схвачен.

МИХАИЛ: На мне был лейб-гвардейский мундир. Дежурный адъютант – он из наших – сказал мне пароль. С его помощью я миновал караулы, а уж там добрый конь вынес меня за заставу, пока их не успели закрыть.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но какая удача, что он вышел на балкон!

МИХАИЛ: Удача? Нету на свете того, что зовут удачей. То был перст Божий.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: И где же ты пропадал эти три дня?

МИХАИЛ: Прятался у отца Николая.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Честный он человек, отец Николай.

МИХАИЛ: Честный, даром что поп. Но теперь я здесь, чтобы покарать изменника.

ВЕРА: Господи Боже, неужто не придёт? Алёша! Почему тебя нет? Не может такого быть, чтобы ты изменил!

МИХАИЛ (*замечает князя Павла*): Ба, князь Павел Мараловский! Вот так добыча! Без Веры, поди, не обошлось. Только она способна выманить эту подколенную змею из-под колоды.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Князь Павел только что принял присягу на верность нам.

ВЕРА: Царь Алексей изгоняет его из России.

МИХАИЛ: А вы и поверили. Ладно, пусть остаётся. Учиним террор – подберём ему должность. Душегубствовать – на это он мастер.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ (*подходит к Михаилу*): Вы, однако же, малый не промах, mon camarade.

МИХАИЛ: Грех бы мне был промахнуться. С малолетства руку набил. Много я кабанчиков пострелял в лесах вашего сиятельства.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Куда же смотрели мои лесники? Сонные тетери.

МИХАИЛ: Обижать изволите, князь. Когда я сам был у вас в лесниках. Мы с вами родственные души: не упустим прибрать к рукам то, что приставлены охранять.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Видите, как тут у нас. Вы к такому, небось, не привыкли. Режем правду в глаза.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Бедная правда. (*Оглядывается*). Однако “какая смесь одежд и лиц”.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: А есть и знакомые лица, верно?

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Я всегда знал, что наша аристократия больше склонна не думать, а вольнодумничать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да ведь и вы с нами, князь.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Я-то? От безвыходности. Раз я больше не первый министр, то другого пути, кроме как в нигилисты, мне нету.

ВЕРА: Боже мой, когда же? Скоро часы пробьют. Когда же, когда же?

МИХАИЛ (*отводит председателя в сторону*): Теперь вот что. Грош цена охотнику, который, убивши волка, отпускает волчонка. После наплачется. Как бы нам добраться до мальчишки? И нынче же: завтра он кинет народу подачку, какую-нибудь плюгавую реформишку – только мы республику и видели.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Золотые слова. Самое страшное зло для демократии – добрый монарх. К тому же начать царствование с изгнания меня – этот шаг говорит за то, что он хочет быть патриотом.

МИХАИЛ: Эти мне цари-патриоты! Республика – вот что России надобно.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Я, господа, захватил с собой два документа, для вас, думается, небезынтересных. Это манифест, который юный царь намерен обнародовать завтра. И план Зимнего дворца, где он проведёт эту ночь. *(Передаёт бумаги)*

ВЕРА: Никак не решусь спросить, что они там замышляют. – Ах, Алексей, почему ты не пришёл!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вашим документам цены нет! Ты был прав, Михаил: завтра будет поздно. Прочти.

МИХАИЛ: Вот, извольте: голодающему народу – жалкий калачик от царских щедрот. Тот же блин, да подмазан. *(Рвёт манифест)* Нынче же ночью надо. Не верю ему. Любит народ – зачем тогда принял венец? Только бы мне до него добраться. Неужели мы, не пожелавшие сносить скорпионы отца, станем терпеть бичи его сына? Ни за что! Всё ложь! Всё уничтожить!

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Ключ от потайной двери во дворец. *(Передаёт ключ)*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Князь, мы перед вами в неоплатном долгу.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ *(с улыбкой)*: Разве бывают не задолжавшие нигилисты?

МИХАИЛ: Отчего ж в неоплатном? Мы вам долг возвратим с лихвой. Два царя за одну неделю. В расчёте? Не приди вы сюда, к ним бы ещё первый министр добавился.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Ну вот, зачем вы всё испортили? Мой визит – это было такое приключение, такая роскошная авантюра. Мне казалось, жизнь моя на волоске, а вы говорите – мне ничего не грозит. В современной обыденности и так мало романтизма, а тут ещё вы разочаровываете.

МИХАИЛ: Это когда тебе голову-то сорвут – романтизм?

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Отнюдь. Но когда у тебя весь век голова на плечах, нет-нет да и заскучаешь. С вами так не бывает? *(Часы бьют шесть)*

ВЕРА *(без сил падает в кресло)*: Не пришёл... не пришёл...

МИХАИЛ *(председателю)*: Помни: завтра уже будет поздно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Братя, назначенный час. Кто отсутствует?

ЗАГОВОРЩИКИ: Алексей! Алексей!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Михаил, огласи правило номер семь.

МИХАИЛ: “Если в нарушение обычая который-нибудь из братьев в собрание не является, председатель спрашивает, нет ли против одного неявища подозрений в каком-нибудь проступке”.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Не вменяется ли чего брату нашему Алексею?

ЗАГОВОРЩИКИ: Он надел корону! Он корону носит!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Михаил, артикул седьмой “Устава революционера”.

МИХАИЛ: “Между нигилистами и коронованными особами война не на жизнь, а на смерть”.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Каков будет ваш суд, братя? Виновен царь Алексей или невиновен?

ВСЕ: Виновен!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какого заслуживает он наказания?

ВСЕ: Смерти!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Приготовьте жребии. Казнь совершится нынче вечером.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: Ну-ка, ну-ка, это уже интересно. А то не разберёшь: не то заговор, не то судебное заседание. Скучно.

ПРОФЕССОР МАРФА: Собственно говоря, в стрельбании я не силен. Мой жанр – революционные брошюры. Хотя – царубийство, место в истории...

МИХАИЛ: Если вы и стреляете так же метко, как пишете, тиран проживёт до глубокой старости.

КНЯЗЬ ПАВЕЛ: И вот что возьмите в соображение, профессор Марфа. Если вас схватят – а вас-таки схватят – и повесят – а вас точно повесят, – ваши статьи лишатся последнего читателя.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Всё ли готово?

ВЕРА *(вскакивает)*: Постойте, постойте! Я хочу сказать.

МИХАИЛ *(в сторону)*: Ах, чтоб тебя. Так я и знал.

ВЕРА: Этот мальчик – он был нашим братом. Он сюда приходил каждый день, рискуя жизнью. Каждый день по улицам, где кругом шпики, а в домах повсюду доносчики. Он царский сын, вырос в неге и в холе – и поделил нашу участь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: А подлинное имя скрывал. Лгал нам с самого первого дня. Лжёт до последнего.

ВЕРА: Как Бог свят, не лжёт. Всякий здесь тысячу раз бывал жизнью ему обязан. Кто выручил нас в тот вечер, когда нагрянули ищейки? Кто избавил нас от ареста, пыток, кнута, смерти? А вы – убить.

МИХАИЛ: Мы призваны истреблять тиранов.

ВЕРА: Он не тиран. Уж я знаю. Он любит народ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы его тоже знаем, предателя.

ВЕРА: Предатель? Три дня назад он бы всех мог предать. Все вы кончили бы жизнь на виселице. А он спас. Жизнь вам спас. Дайте же ему хоть немного времени. Месяц. Неделю. Хотя бы три дня. Не теперь. Ради Христа, не теперь!

ЗАГОВОРЩИКИ (*потрясая кинжалами*): Нынче же вечером! Нынче же!

ВЕРА: Цыц вы, волчье племя!

МИХАИЛ: Да не за тем ли мы все и собрались, чтобы уничтожить? Не на том ли присягу давали?

ВЕРА: Уж мне эта ваша присяга! А сами своего не упустите. Всякий так и смотрит, где что плохо лежит, так и норовит ближнего обогнать. Кто из вас, взошедши на трон, отдал бы царство на разграбленье толпе? Не созрела ещё Россия для республики.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Для республики все страны созрели.

МИХАИЛ: Тиран твой царёныш!

ВЕРА: Тиран? А кто разогнал негодаев-советников? Вон он стоит, ворон придворный. Обкорнали ему крылья, подточили когти – закаркал и к вам: “Отомстите!” Христом Богом молю: пощадите Алёшу! Повремените ну хоть неделю!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вера за царя заступается!

ВЕРА (*с достоинством*): Не за царя. За брата.

МИХАИЛ: За клятвопреступника. За труса, что робеет швырнуть порфиру глупцам, её подносящим. Нет, Вера, нет. Не оскудела ещё земля, не обесплодела. Скоро ни один венчанный пёс на Руси не будет осквернять мир Божий своим дыханием.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ты, помнится, просила тебя испытать. Это и было твоё испытание. И не к чести тебе оно послужило.

МИХАИЛ: Я, Вера Петровна, не слепой. Я вашу тайну очень даже хорошо угадал. Влюбилась ты в этого августейшенького, в белоручку кудрявого. Он тебе, дурочке, голову кружит, а ты и растаяла. Да знаешь ли ты, что у него на уме? Сделает тебя своею любовницей, натешится вволю, а там – ступай-ка ты, жрица свободы, пламень революции, светоч демократии, на все четыре стороны.

ВЕРА: Про меня – это он пусть себе как хочет, но народу он предан. Кого-кого, а народ он любит. И свободу он любит.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Значит, мы пропадай, а он будет корчить гражданскую совесть на престоле? Станет, как бывало отец его, кормить нас баснями, сулить молочные реки с кисельными берегами, лгать нам в глаза, как весь его лживый род.

МИХАИЛ: А Вера Сабурова, которой одно уже имя наводило ужас на самодержцев, променяет любовь народную на любовь человеческую.

ЗАГОВОРЩИКИ: Изменница! Жребии сюда! Тяните жребий!

ВЕРА: Нет, Михаил, это всё не так, как ты говоришь. Я его не люблю. И он меня тоже.

МИХАИЛ: Не любишь? Но веришь, что он смерти не заслужил?

ВЕРА (*с усилием, сжав кулаки*): Ты прав, заслужил. С самодержавием в Европе надо кончать – я сама на том присягала. Республика крепнет только от крови монархов. А он ещё и клятвопреступник. Пусть сын умрёт тою же смертью, что и отец. Но не теперь, не теперь. Веками Россия томилась в рабстве – что ей стоит потерпеть ещё только неделю? Хоть неделю ему подарите!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Довольно. Нам больше тебя не надо. Ступай к своему селадону.

МИХАИЛ: И помни: он и в твоих объятиях от смерти не спрячется.

ЗАГОВОРЩИКИ: Нынче же вечером! Нынче же! Нынче!

МИХАИЛ (*поднимает руку*): Стойте! Дайте сказать! (*Подходит к Вере, с расстановкой*) Помнишь, Вера Петровна, брата Митю? (*Смотрит на Веру выжидающе, та вздрагивает*) Бледный, иссохший, руки от пыток висят как плети, на ногах кандалы. Дали ему хоть неделю отсрочки? Хоть один лишний день на свободе? (*Вера падает в кресло*) Ах, как ты тогда хорошо говорила: про свободу, про месть. Отец у тебя в ногах валялся, чтобы ты не уезжала в Москву. “На кого ж ты, голуба, меня покидаешь?” У меня этот крик до сих пор в ушах. Но ты была как камень: ничем не проймёшь. В ту же ночь только тебя и видели, а старик горевал-горевал да спустя три недели и помер. Ты писала ко мне, звала в Москву. Я приехал. Не мог не приехать. Я ведь любил тебя. Ну да твоими стараниями всю любовь как

рукой сняло. Милосердие, жалость, нежность в душе моей словно увяли, словно тля их побила. Ты внушила мне изгнать из сердца любовь как недостойное чувство, и сердце моё стало камень, рука моя сталь. Ты учила меня жить ради свободы и мщенья, и вот я живу ради них. А ты? Вера, Вера, ты ли это?

ВЕРА: Жребии сюда! (*Заговорщики аплодируют*)

КНЯЗЬ ПАВЕЛ (*в сторону*): Дело идёт к тому, что великий князь окажется на троне скорее, чем думалось. Он уже и сейчас вероломен как чёрт и любит мучить животных, а будет слушать мои наставления – станет и вовсе царь.

МИХАИЛ: Вот теперь ты прежняя Вера Сабурова.

ВЕРА (*неподвижно стоит посреди сцены*): Жребий, жребий скорее. Больше не женщина я. Больше не кровь в моих жилах, но жёлчь, сердце – холодная сталь, рука в тысячу раз безжалостнее. Из глубины сибирских руд брат мой велит обнажить кинжал во имя свободы. Жребий быстро сюда!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Всё готово. Михаил, ты первый. Честь и место цареубийце.

ВЕРА: Господи, только бы мне, только бы мне... (*Все достают жребии из чаши, увенчанной черепом*)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Разверните записки.

ВЕРА (*разворачивает записку*): У меня! Видите – крестик кровью. Дмитрий, брат мой, ты будешь отомщён!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Бог услышал твои мольбы, о Вера Сабурова. Тебе суждено свершить подвиг цареубийства. Кинжал или яд? (*Подносит ей кинжал и склянку*)

ВЕРА: Рука моя лучше владеет кинжалом. Он надёжнее. (*Берёт кинжал*) Вот возьму – и в самое сердце. Как он меня. Изменник, на что променял. На ленты, гремушки, грошовые цапки. Приходил каждый день и лгал, а потом в одночасье забыл. Миша прав: не любил он меня. И народ не любил. Если бы я была мать, вот ей-ей, отравила бы грудь свою. А то вдруг ещё выкормишь изменника или царя. (*Князь Павел шепчется с председателем*)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, князь, так оно будет вернее. Послушай, Вера, царь ночует в своём покое в северном крыле. Ключ от потайной двери – вот. Пароль тебе скажут после. Слуги не помешают: им подсыпят снотворное. Он будет один.

ВЕРА: И прекрасно. Не промахнусь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы будем ждать под окном, на Исаакиевской площади. Когда часы на Никольской башне ударят полночь, ты подашь нам знак, что презренный деспот убит.

ВЕРА: Что за знак?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Бросишь в окно окровавленный кинжал.

МИХАИЛ: Дымящийся кровью тирана.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Не будет знака – мы поймём, что ты схвачена, ворвёмся и отобьём тебя у охраны.

МИХАИЛ: А кстати и с ним в суматохе покончим.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ты поведёшь нас, Михаил?

МИХАИЛ: Поведу. Смотри же, Вера Сабурова. Не промахнись.

ВЕРА: Скажешь тоже. Чего тут хитрого – убить врага?

КНЯЗЬ ПАВЕЛ (*в сторону*): Это у меня девятый заговор. И всякий раз мои сподвижники отправлялись в voyage en Sibirie, а мне выходил ещё один орден.

МИХАИЛ: Последний у вас это заговор, князь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ровно в полночь. И помни: кровавый кинжал.

ВЕРА: Да-да, обогранный кровью лживого сердца. Я помню, помню... (*Стоит посреди сцены*) Подавить что ни есть во мне естеству причастного. Не жалеть и не быть жалеему, не желать и не быть желанну, не любить... Ах, да, это из присяги... Что со мной? В меня как будто вселился дух Шарлотты Кордэ. Имя моё будет выбито на скрижалях истории рядом с именам самых героических женщин... Так и есть: дух Шарлотты Кордэ. Это она овладела всем моим существом, вложила в женскую руку мою кинжал, как я вложила в женское сердце моё ненависть. Теперь я не дрогну. Даже если ты улыбнёшься во сне – не дрогну. Даже если ты будешь спать как дитя – не промахнусь. Радуйся, брат, в тесном своём остроге, ликуй, веселись! Нынче же его новоиспечённое величество кровавой стопой последует в ад к своему папаше. Ох, этот царь! Двuruшник, клятвопреступник, изменщик. Изменщик мне. Как он тут перед нами изображал патриота – а теперь вон помазанник Божий. Продал за тридцать сребреников, Искарот.

Предал нас поцелуем. (*Увлекаясь*) О Свобода, о воля вольная, мати всея вечная и предвечная! Ризы чисты твои кровью залиты, кровью павших твоих защитителей. Твой престол – голгофа народная, на главе твоей – злой тернов венец. Во десницу твою деспот гвоздь вонзил, пригвоздил тиран твою шуицу. Зрю тебя из века в век поругаему, в ребра копием прободенную. А левиты тебе возжаждавшей подают вкусить горечь горькую. Предаю себя, о Свобода, во власть тебе! Повелевай мною! (*Потрясает кинжалом*) Клянусь твоими святыми ранами, о распятая мати Свобода, не миновать Руси спасения!

ЗАНАВЕС

ЧЕТВЁРТОЕ ДЕЙСТВИЕ

Комната перед царскими апартаментами. Позади большие окна, завешенные шторами. На сцене князь Петрович, барон Рафф, маркиз де Пуаврар, граф Рувалов.

КНЯЗЬ ПЕТРОВИЧ: Хорошо молодой государь начинает.

БАРОН РАФФ (*пожимает плечами*): Молодые государи всегда хорошо начинают.

КНЯЗЬ РУВАЛОВ: И плохо кончают.

МАРКИЗ ДЕ ПУАВРАР: Ну, мне-то грех жаловаться. По крайней мере, одной милости я от него удостоился.

КНЯЗЬ ПЕТРОВИЧ: Это что он отменил вам назначение в Архангельск?

МАРКИЗ ДЕ ПУАВРАР: Именно. Кто что ни говори, а нет положения хуже губернаторского.

Входит генерал Котёмкин.

БАРОН РАФФ: Что слышно, генерал? Какую ещё штуку удрал наш августейший романтик?

ГЕНЕРАЛ КОТЁМКИН: Ваша правда, барон, романтик. На прошлой неделе застаю его на каком-то чердаке: развлекается в обществе бродячих актёров. Нынче новая фантазия: воротить из Сибири всех осуждённых, а политических, как он их называет, всех амнистировать.

КНЯЗЬ ПЕТРОВИЧ: Политических амнистировать? Да из них добрая половина – попросту головорезы.

КНЯЗЬ РУВАЛОВ: А недобрая лучше?

БАРОН РАФФ: К чему напраслина, граф? Притом оптом амнистировать как-то солидней, чем в розницу.

ГРАФ РУВАЛОВ: Но его романтизм просто не знает удержу. Давеча просил у него монополию на сбор соляной пошлины – не дал. Народ, мол, имеет право на дешёвую соль.

МАРКИЗ ДЕ ПУАВРАР: Это что! Он, вот видите, недоволен, что во дворце каждый день банкет, когда в южных губерниях голод. (*Незаметно входит царь Алексей, прислушивается*)

КНЯЗЬ ПЕТРОВИЧ: Quelle bêtise! Голод народу на пользу. Он приучает к воздержанности, а это высокая добродетель.

БАРОН РАФФ: Да-да, я тоже слышал. Про добродетель.

ГЕНЕРАЛ КОТЁМКИН: А ещё он поговаривает об учреждении в России парламента, чтобы, значит, депутаты там были народные избранники.

БАРОН РАФФ: Мало нам на улице мордобития. Но это, господа, ещё цветочки. Он грозит в корне пересмотреть порядок начисления сборов и пошлин: дескать, народ изнемогает под бременем налогов.

МАРКИЗ ДЕ ПУАВРАР: Ну уж это он, верно, шутит. Зачем тогда и народ, если нам от него никакой прибыли. Да, барон, касательно налогов: устройте мне завтра сорок тысяч рублей. Жена извела: подавай ей браслет с бриллиантами.

ГРАФ РУВАЛОВ (*барону Раффу, тихо*): Должно быть под пару тому, от князя Павла.

КНЯЗЬ ПЕТРОВИЧ: А мне шестьдесят тысяч целковых нынче же. Сын кругом в долгах.

БАРОН РАФФ: Хороший сын: весь в батюшку.

ГЕНЕРАЛ КОТЁМКИН: Эх, ваши сиятельства, всё вам да вам. А мне от казённого пирога хоть бы сухая корочка. Это несносно. Это возмутительно, наконец. У меня племянник женится. Надо же мне его обеспечить.

КНЯЗЬ ПЕТРОВИЧ: Турок он что ли, ваш племянник? Женится по три раза в неделю.

ГЕНЕРАЛ КОТЁМКИН: Вот мне и нужно его обеспечить, чтобы он хоть немного утешился.

ГРАФ РУВАЛОВ: А мне надоело в Москве. Хочу купить подмосковную.

МАРКИЗ ДЕ ПУАВРАР: А мне надоело в подмосковной. Хочу дом в Москве.

БАРОН РАФФ: Увы, господа, и речи быть не может.

КНЯЗЬ ПЕТРОВИЧ: А как же мой сын?

ГЕНЕРАЛ КОТЁМКИН: А племянник?

МАРКИЗ ДЕ ПУАВРАР: А дом в Москве?

ГЕНЕРАЛ РУВАЛОВ: А подмосковная?

МАРКИЗ ДЕ ПУАВРАР: А браслет с бриллиантами?

БАРОН РАФФ: Господа, господа, невозможно. Старый режим приказал долго жить. Нынче у нас панихида.

ГРАФ РУВАЛОВ: Хорошо, подожду, когда он воскреснет.

КНЯЗЬ ПЕТРОВИЧ: Да, но что же нам делать en attendant?

БАРОН РАФФ: А что мы в России всегда делаем, когда царь затевает реформы. Сидеть сложа руки. Мы же не горячие какие-нибудь головы. Людям умственных занятий нельзя заниматься делами. Реформы в России всегда трагедия, а под занавес фарс.

ГРАФ РУВАЛОВ: Князя бы Павла сюда. А propos de князь Павел: юный царь-батюшка не оценил его услугу. Если бы наш продувной князёк, не дав ему опомниться, не объявил его императором, цесаревич чего доброго уступил бы корону первому встречному сапожнику.

КНЯЗЬ ПЕТРОВИЧ: Какого вы мнения, барон, он в самом деле отъедет?

БАРОН РАФФ: Объявлен сосланным.

КНЯЗЬ ПЕТРОВИЧ: Но уедет ли?

БАРОН РАФФ: Не сомневаюсь. По крайней мере, он говорил, что уже отправил в Париж две телеграммы с распоряжениями насчёт обеда.

ГРАФ РУВАЛОВ: Раз так, дело решённое.

ЦАРЬ (*выходя вперёд*): А лучше бы князю Павлу послать ещё одну телеграмму – чтобы обед накрыли на... (*считает присутствующих*)... на шестерых.

БАРОН РАФФ: Чёрт!

ЦАРЬ: Нет, барон: царь. Хриstopродавцы! Не будь на свете дурных министров, не было бы и дурных царей. Из-за таких и гибнут могущественные империи. Русь матушка не имеет надобности в пакостных пасынках. Вины своей вам уже не загладить: поздно. Не встать мертвецам из могил, и мученикам не сойти с виселиц. Но я с вами поступлю милосерднее. Дарю вам жизнь. И этим самым предаю вас проклятью. И чтобы завтра к вечеру духу вашего в Москве не было. Иначе не сносить вам головы.

БАРОН РАФФ: Поразительно! Точь-в-точь августейший батюшка!

ЦАРЬ: Все до единого – из России вон. Ваши имения конфискуются и передаются народу. Титулы, так и быть, оставьте себе. Реформы в России, барон, под занавес оборачиваются фарсом. У вас, князь Петрович, будет прекрасный случай поупражняться в воздержанности – о, это высокая добродетель, высокая добродетель! Вы, барон, полагаете, что парламент в России соберётся для мордобития? Ну так я распоряжусь, чтобы вам посылали протоколы каждого заседания.

БАРОН РАФФ: Смилуйтесь, государь! Добро бы только изгнание...

ЦАРЬ: Ничего, теперь у вас будет довольно времени для чтения. Спешить некуда. Вы же не горячие какие-нибудь головы. Людям умственных занятий нельзя заниматься делами.

КНЯЗЬ ПЕТРОВИЧ: Государь, мы просто шутили.

ЦАРЬ: Стало быть, вы изгоняетесь за неудачные шутки. Bon voyage, господа. И если вам жизнь дорога, постарайтесь поспеть к первому же парижскому поезду. (*Министры уходят*) Без них Россия вздохнёт свободно. Шакалы, прихвостни льва. Своей отваги хватает лишь на разбой и грабежи. Через этих людишек да князя Павла и стал отец тираном, и принял страшную смерть. Как странно: случается иной раз что-то важное, и наяву случается – а ты как во сне. Совет, губительный для народа закон, арест, крик

во дворе, выстрел, руки отца в крови – и царский венец... Как будто долгие годы не жил, а так, век вековал – и вдруг за одну минуту столько грянуло, что хватило б на сотню жизней. Я и в себя не успел придти, в ушах ещё стоял страшный батюшкин крик, как уже на голове корона, на плечи ложится порфира и мне говорят: “Ваше величество...” В ту минуту я бы отрёкся – тогда бы мне нипочём. Но сейчас... Могу ли я отречься сейчас? *(Входит полковник лейб-гвардии)* Что скажете, полковник?

ПОЛКОВНИК: Какой пароль угодно вашему императорскому величеству назначить на эту ночь?

ЦАРЬ: Пароль?

ПОЛКОВНИК: Для дворцовой охраны.

ЦАРЬ: Распустите охрану. Охраны не нужно. *(Полковник удаляется. Царь подходит к столу, на котором лежит корона)* Что, право, за сила такая в этой блестящей вещице? Надел – и ты божество. И можешь держать в руках лучезарный шарик, именуемый мирозданием, достигать самых дальних пределов земли, обойти своими судами все моря-океаны, превратить всю страну в шлях для походов своего воинства. Всё она, корона, корона. И взять какого-нибудь распоследнего в России мужичонку: если этого мужичонку кто-нибудь любит, то и на нём словно бы корона – куда моей. О сколь любовь превыше всех благ земных! Сколь ничтожна пред нею и пространнейшая всего дивного света империя! Живучи невольником во дворце, где на всяком шагу соглядатаи, откуда мне было узнать, что такое любовь? Вот уж три дня с той страшной минуты, как я неожиданно-негаданно сделался царём всея бескрайнея Руси, и все три дня я не имею никаких от неё известий. Хоть бы миг с ней увидиться, открыть ей тайну жизни моей, которую прежде я рассказать не решался. Объяснить, отчего я, объявивший себя смертельным врагом всяческих венценосцев, теперь вот и сам принял венец. Нынче у наших собрание, и меня, не знаю кто, известили, но как я осмелюсь там появиться? Я, нарушитель присяги, клятвопреступник...

Входит камер-паж.

КАМЕР-ПАЖ: Двенадцатый час, государь. Прикажете заступить на пост в ваших покоях?

ЦАРЬ: Чего, дружок, меня охранять? Звёзды покараулят.

КАМЕР-ПАЖ: Покойный государь всегда велел, чтобы с ним ночь напролёт сидели.

ЦАРЬ: Батюшку тревожили дурные сны. Ступай к себе, дружок. Час поздний. Будешь недосыпать – с лица спадёшь. Ты вон гляди, какой румяный. *(Паж хочет поцеловать ему руку)* Что ты! Другу-то детства! Сколько вместе играли. – Как же это: дышу одним с нею воздухом, а её не вижу. Так без неё темно и холодно жить. Как без солнца.

КАМЕР-ПАЖ: Государь... Алёша, позволь мне остаться здесь на ночь. У меня дурные предчувствия.

ЦАРЬ: Кого мне бояться? Недругов своих я прогнал за границу. Ты вот что: подвинь жаровню. Что-то зябко. Ну, ступай, дружок. Мне нынче много надо обдумать. *(Подходит к окну и отдёргивает штору. За окном залитая лунным светом Москва)* С утра всё сыпет, сыпет. Город при бледной луне такой белый, холодный. Но среди снега и стужи – какие жаркие сердца пылают в заиндевелой России!.. Хоть на миг её увидеть. Я ей всё расскажу. Почему взошёл на престол. Она не усомнится во мне. Она мне верит, сама говорила. Отступнику – а всё-таки верит. Холодно. Где мой плащ? Пожалуй, часок вздремну. А там – уж я и сани велел заложить. Нынче же буду с нею – пусть даже ценою жизни... Ты что же, друг ситный, не слушаешься? Прошу покорно: едва успел воцариться, как меня уже вынуждают тиранствовать. Ступай, ступай... Мне без неё никак. Ну да кони добрые, в час домчат. Час – и мы вместе... Углём потягивает. Это от жаровни... *(Камер-паж уходит. Царь ложится на кушетку возле жаровни).*

Входит Вера в чёрном плаще.

ВЕРА: Спит. Прямо мне Бог помогает. Теперь его никто не спасёт. Вот он лежит, подавшийся в цари демократ, республиканец в короне, лживый отступник. Прав был Михаил: не любил он народ. И меня не любил. *(Склоняется над Алексеем)* И эти нежные губы источали смертельный яд? Блеска ли недоставало золоту этих волос, что он заменил его позорным блеском короны? Вот и настал день моего торжества, день народа, день освобождения. И твой день, брат Митя. Хоть и подавила я что ни есть во мне естеству причастного, до сих пор невдомёк мне было, как это легко – убивать. Один удар – и дело с концом, и только руки умыть... Только руки... Ну же, я Россию спасаю! Я присягала! *(Заносит кинжал)*

ЦАРЬ (*поднимается и обнимает Веру*): Вера, ты здесь! Значит, не приснилось. Что же не приходила ты целых три дня? Мне так тебя было нужно. Господи, ты, верно, думаешь – предатель, обманщик, царь? Это я от любви к тебе царь. Это я для тебя изменил присяге, надел отцову корону. Только скажи – и я эту самую нашу родную могучую Русь сложу к твоим ногам, всю эту землю. А народ – он нас будет любить. Мы с ним ласково, по-отечески. Свободы – какие угодно: всяк будет волен думать и говорить, что захочет. Волчью стаю, что нас заедала, я прогнал и уже отправил фельдъегеря за твоим братом. Недели не пройдет, Митя и все с ним каторжники будут дома. Свобода, Вера. Она уже наступила. Подают мне корону, я уже было думал её отшвырнуть, а как вспомнил тебя... Знаешь русский обычай – дарить любимым подарки? И я решил: подарю своей милой народ, империю, целый мир. Это я для тебя – корону, для тебя одной. Потому что ты мне дороже всякой присяги. Что ж ты молчишь? Ты, может быть, меня не любишь? Ты, может быть, пришла просто предупредить о покушении на мою жизнь? Но что мне жизнь без тебя? (*За окном тихие голоса заговорщиков*)

ВЕРА: Я погибла. Погибла. Погибла...

ЦАРЬ: Что ты, здесь тебя никто не тронет. Подожди до рассвета. А завтра мы с тобой выйдем к народу...

ВЕРА: Завтра...

ЦАРЬ: ...И я поведу тебя в большой собор и своими руками возложу на тебя корону империи.

ВЕРА (*отталкивает его и вскакивает*): Не положено мне корону! Я нигилистка!

ЦАРЬ (*падает к её ногам*): Ты пойми, я перед тобою не царь! Я мальчик, который любит тебя, которому ты дороже, чем даже честь и присяга. Из любви к народу я сделался патриотом, из любви к тебе стал клятвопреступником. Давай бросим всё и уйдём. Поселимся где-нибудь в деревне. Я буду землю пахать, как простой мужик. Ты только люби меня хоть самую малость. (*За окном тихие голоса заговорщиков*)

ВЕРА (*сжимает кинжал*): Подавить что ни есть во мне естеству причастного... Не жалеть и не быть жалеему, не желать и не быть желанну... Не любить... Да ведь я женщина всё-таки! Я же, прости, Господи, женщина! Алёша, я тоже клятвопреступница! Я полюбила... Тише, тише, молчи (*закрывает ему рот поцелуем*). В первый и последний раз полюбила... (*Алексей обнимает Веру. Садятся на кушетку*.)

ЦАРЬ: Вот так бы и умереть.

ВЕРА: Чего ты вдруг о смерти? Где ты и любовь твоя, никакой смерти и быть не может. Не будем о ней. Не сейчас.

ЦАРЬ: Не знаю, что-то вдруг подумалось. Должно быть, когда столько счастья сразу, кажется, что вот-вот задохнёшься. Нынче у нас брачный пир.

ВЕРА: Брачный пир!

ЦАРЬ: Смерть – что смерть: пусть приходит. Я и её поцелую в неживые бледные губы. Сладкая отравка.

ЦАРЬ: Брачный пир, говоришь, а сам всё про смерть. Ну её. Нам на пиру такой гостьи не нужно. Смерти вообще не бывает.

ЦАРЬ: Для нас с тобой – нет. (*За окном тихие голоса заговорщиков*)

ВЕРА: Что там? Ты слышал?

ЦАРЬ: Только твой голос. Дуда птицелова: манит меня, манит в силос...

ВЕРА: Кто-то смеялся?

ЦАРЬ: Ветер. Ветер поднимается. “Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя”.

ВЕРА: “Вихри снежные...” Где охрана? Где твоя охрана?

ЦАРЬ: Как где? Разошлись по домам. Не стану же я прятаться за штыками и саблями. Надёжнейшая царю защита – любовь народная.

ВЕРА: Любовь народная!

ЦАРЬ: Да ты не бойся, родная. Никто тебя здесь не тронет. Славная моя, поверила мне. Я знал, что поверишь. Ты сама говорила.

ВЕРА: Да, поверила. Всё, что выпало нам до сих пор, было мутным больным сновидением. Мы только теперь живём наяву.

ЦАРЬ: Теперь – наяву.

ВЕРА: Наш брачный пир. Наша брачная ночь. Я хочу всю-всю любовь, сколько нам отмеряно, исчерпать в эту ночь до капли. Нет-нет, милый, не сразу... Как тихо. И в воздухе всё же точно музыка

разлита. Как будто поёт соловей. Заскучал в южных краях и прилетел на морозный север попеть двум влюблённым. Ну совсем соловьиная трель. Неужели не слышишь?

ЦАРЬ: Я тебя заслушался. Я ничего вокруг, когда ты рядом, не замечаю. Даже если б сама розовоперстая Эос от зависти к твоей красоте вздумала просиять на востоке прежде времени, я бы и то не заметил.

ВЕРА: Жалко, что ты соловья не услышал. Больше уж, кажется, этой пичуге не петть.

ЦАРЬ: Бог с тобою, какой соловей. Это любовь. Это она ликует, оттого что ты наконец признала её владычицей. (*Часы бьют полночь*) Слышишь? Час влюблённых. Выйдем на улицу. Сейчас заснеженный город почтит полночь колоколами своих сорока сороков. Брачный пир!... Что это? Кто там? (*За окном громкие голоса заговорщиков*)

ВЕРА (*вырывается из его объятий и бежит через сцену*): Гости на свадьбу. Знака ждёте? Будет вам знак! (*Ударяет себя кинжалом*). Будет вам знак! (*Бросается к окну*)

ЦАРЬ (*бросается ей наперерез и выхватывает у неё кинжал*): Вера!

ВЕРА (*прижимается к нему*): Отдай! Отдай! Те, на улице, хотят лишить тебя жизни. Охрана тебя оставила. Кинжал в крови – знак, что ты убит. (*За окном крики заговорщиков*) Дорог каждый миг. Брось им кинжал! Брось! Меня уже не спасти: лезвие отравлено... Ох, к сердцу подступило... Мне ничего не оставалось другого.

ЦАРЬ (*отводит руку с кинжалом, не давая его Вере*): Моему-то сердцу лучше ли? Вместе умрём!

ВЕРА: Милый мой, славный мой, пожалей ты меня. Эти волчьи отродья от тебя не отстанут. А тебе надо жить. Для Руси, для свободы её. Для меня. Так-то ты меня любишь? Империю только что дарил. Ну отдай мне кинжал, слышишь? Не мучь ты меня! Будет им вместо твоей жизни моя. Всё едино... (*За окном громкие крики: "Вера! Вера! Спасём её!"*)

ЦАРЬ: Что мне теперь смерть.

ВЕРА: Двери ломают... Ой, кто это? Вон, позади. (*Царь оборачивается*) Ага! (*Вера выхватывает у него кинжал и бросает в окно*)

ЗАГОВОРЩИКИ (*за окном*): Да здравствует народ!

ЦАРЬ: Что ты наделала!

ВЕРА: Россию спасла... (*Умирает*)

Немая сцена.

ЗАНАВЕС